

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

(He) ЮЛИЯ КРЫНСКАЯ
УСТАНОВЛЕННОЕ
ОТЦОВСТВО

Юлия Крынская
(Не)Установленное отцовство
Серия «Прекрасная
леди Фаррелл», книга 5

*<https://litres.ru/68671141>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Вкалываю в плечо обезбол. Таблетки не помогают, а мне кровь из носа нужно сегодня ясное сознание. Одиннадцать лет смотрел на жизнь и смерть через оптический прицел. Думал, на «гражданке» он мне не понадобится. Голову точно железный обруч сжимает, вытираю рукавом пот со лба. Говорят, к физической боли нельзя привыкнуть. Но я привык. А вот к боли душевной — нет. Вспоминаю события одиннадцатилетней давности, и боль сменяется злостью. Острой и неуправляемой. Тогда один из бандитов ускользнул от возмездия. Но не из-за убийства я долгие годы не мог и не хотел возвращаться домой. Ни война, ни контузия не смогли вытравить из памяти девушку с лицом ангела. Но судьба решила, что недостаточно потрепала меня. Три часа назад моя жизнь обрела совсем иной смысл.

Продолжение романа "Пируэты (не) для слабаков".

Содержит информацию о наркотических или психотропных веществах, употребление которых опасно для здоровья. Их незаконный оборот влечет уголовную ответственность.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	47
Глава 8	60
Глава 9	65
Глава 10	71
Глава 11	77
Глава 12	83
Глава 13	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Юлия Крынская

(Не)Установленное

ОТЦОВСТВО

Глава 1

Зеленогорск, 2005

Артур

Вкалываю в плечо обезбол. Таблетки не помогают, а мне кровь из носа нужно сегодня ясное сознание. Одиннадцать лет смотрел на жизнь и смерть через оптический прицел. Думал, на «гражданке» он мне не понадобится. Голову точно железный обруч сжимает, вытираю рукавом пот со лба. Говорят, к физической боли нельзя привыкнуть. Но я привык. А вот к боли душевной – нет.

Как только закончился мой контракт, вернулся к отцу – в его загородный дом под Петербургом. Две недели не могу привыкнуть к новой холостяцкой берлоге. После городской двушки на окраине чужой страны такой простор! Спускаюсь в подвал и достаю из сейфа винтовку отца. Вскидываю её на плечо и целюсь в невидимого врага. Цевьё приятно холодит ладонь, а дерево приклада – щёку. Вспоминаю события одиннадцатилетней давности, и боль сменяется злостью.

Острой и неуправляемой. Тогда один из бандитов ускользнул от возмездия. Но не из-за убийства я долгие годы не мог и не хотел возвращаться домой. Приезжал пять лет назад, но не смог долго – уехал. Я и сейчас поступил бы также с этими бандитами. Дело не в них. Ни война, ни контузия не смогли вытравить из памяти девушку с лицом ангела. Но судьба решила, что недостаточно потрепала меня. Три часа назад моя жизнь обрела совсем иной смысл.

Тремя часами ранее

Кем пойти работать старому вояке, как не тренером? Тем более если берут и рядом с домом. Выхожу на улицу загодя. Сентябрьское солнце щекочет за шиворотом. Надеваю тёмные очки и спускаюсь по тропинке к Финскому заливу. Брожу по берегу и продумываю под умиротворяющий шёпот воды вступительную речь.

Переступаю порог детской школы бокса. Не хочу учить взрослых. Для начала мне нужно обрести мир в душе. У отца в Зеленогорске центр по реабилитации таких душевно раненных, как я. Но мне не помогут психологи. Я должен сам в себе разобраться. Однажды меня предали люди... Вернее женщина. И я выбрал для жизни совсем иное измерение. На войне всё иначе. К ночи живой – слава Богу. А дети – цветы жизни. Они лучше взрослых.

– Здорово, Артур! – жмёт мне руку Вадим Николаевич, директор спортшколы и друг моего отца. – Иди переодевай-

ся на первый этаж. Вот ключ от тренерской. Возьмёшь на себя младшую группу. Кирюха тебя представит, а дальше разберёшься, что к чему.

Обвожу взглядом кабинет. Грамоты, кубки и никакого намёка на военное прошлое хозяина. Ещё шесть лет назад Вадим Николаевич носил погоны капитана второго ранга и выполнял боевые задания.

Через пять минут вхожу в зал, и на меня тут же устремляется десять пар смышлёных глаз. Кирюха ободряюще подмигивает мне, и я встаю рядом с ним, сцепив руки за спиной.

– Знакомьтесь, ребята! Ваш новый тренер – Артур Викторович. Мастер спорта по боксу, участник боевых действий и просто хороший человек. Вы, друзья мои, будущее нашего клуба, страны. Уверен, с Артуром Викторовичем все золотые медали будут ваши!

Вглядываюсь в серьёзные лица ребят. На вид им не больше двенадцати, в хвосте стоит самый мелкий. Всклоченный чёрный чуб и задиристый взгляд.

Кирюха уходит, а у меня из головы все слова вылетели.

– Здорово, орлы!

Мальчишки отвечают вразнобой.

– Давайте, знакомиться, – улыбаюсь смущённо. – Расскажите мне немного о себе. Имя, возраст, увлечения, что самое важное для вас в жизни.

Иду по ряду, протягивая каждому руку. Внимательно слушаю сбивчивый доклад каждого. Дохожу до чубатого.

– Меня Глеб зовут, десять лет. А вы где воевали? Я вырасту, тоже на войну пойду.

У парня на груди под майкой болтается на цепочке смертник.

– Молодец! Родине нужны герои, – треплю его по чёрным, жёстким волосам и киваю на смертник. – А это откуда у тебя?

– Он всегда со мной. Мне его мамка дала, – Глеб сжимает жетон в кулак. – Сказала, папин. Другой у Борьки, брата моего.

– Можно глянуть? – протягиваю ладонь. Где-то я видел этого мальчишку. Соседский, наверное. Никого ещё не запомнил в нашем маленьком городишке.

– Я его никому в руки не даю. Только посмотреть!

Глеб показывает мне полустёртую от времени гравировку. Мне не нужна лупа, чтобы понять, что там написано. Отчего вдруг такая тяжесть в груди. У меня перехватывает дыхание. Это мой жетон. Однажды я оставил его вместо обручального кольца женщине, которую полюбил с первого взгляда. Ладони потеют становятся влажными, тело сковывает острая боль. Сажусь на корточки, зарываясь пальцами в волосы. В ушах звучат разрывы снарядов – последствие контузии.

– Сколько лет твоему брату? – тихо спрашиваю Глеба.

– Десять, как и мне.

Встаю и понимаю, что вряд ли проведу тренировку так, как задумал. Но теперь мне сто процентов нужна эта рабо-

та. Через час дети уходят в полном восторге. Высматриваю мать Глеба в толпе родителей, встречающих малышню. Но он вприпрыжку, закинув на плечо сумку, бежит домой один. Иду за ним тенью, пока он не скрывается за высоким забором частного дома. Мы, оказывается, ещё и в одном городке живём. У меня в голове множатся вопросы к моему отцу и к dame, вырастившей моих сыновей. Копию чубатого мальчишки я могу сейчас же найти в своём детском старом фотоальбоме. Мне до дрожи хочется увидеть и второго сына.

Мимо проезжает старенькая бэха. Из динамиков несётся песня про напитки покрепче. Мой случай сегодня.

Во дворе за нашим домом высокий дуб. С него видно весь посёлок. Нужная мне дачка на соседней улице. Прослушку я пока кинул только у его забора. Сажу на дереве, наблюдая за двумя пацанятами в оптический прицел. Для любопытных соседских глаз захватил с собой скворечник.

– Борис, Глеб! Хватит драться, идите полдничать, – женщина в лёгком, длинном платье переминается с ноги на ногу на крыльце зелёного дома с витражными окнами.

Мне больно вспоминать даже её имя. Но я снова и снова навожу резкость и разглядываю ту, которая причинила мне столько боли в прошлом. Непослушные золотистые завитушки, глаза с поволокой и вздёрнутый нос. По-прежнему худенькая, как все балерины, даже ключицы выпирают. Женщина стягивает с перил пуховый платок и кутается в него. Я

должен ненавидеть её, а не могу. Думал, что давно отболело.

Прячусь в осенней листве векового дуба и наблюдаю за этой женщиной и нашими сыновьями.

Она оглядывается по сторонам, будто чувствует слежку. А я рассматриваю её, как красотку в мужском журнале. Нагло и оценивающе.

– Идём, мам! – мальчишки бросаются наперегонки к дому, и я, привалясь к стволу, застываю в ожидании. Жду, когда они снова выйдут. Её зовут Геля. Я звал Мышкой.

Поглядываю на опустевшее крыльцо. Девочка моя сладкая. Как же я тогда старался уберечь тебя от повторных ошибок. Мечтал вернуться поскорее и никогда больше не отпускать от себя.

Глава 2

Зеленогорск, 1995 (десять лет назад)

Артур

– Геля выходит замуж, – отец отпивает из кружки обжигающе-крепкий чай на тесной кухне нашей двушки.

– Слышал уже, – неохотно ковыряю ложкой овсяную кашу, сдобренную сливочным маслом, – этому нужно помещать.

Отец грузно поднимается и берёт бумаги с холодильника.

– Не нужно.

– Не тебе решать.

Поднимаю глаза на отца и мне кажется, что он на мгновение усомнился. Правда, тут же взял себя в руки и положил передо мной бумаги.

– Что это? – тыкаю я пальцем в верхний лист.

– Югославия. Контракт.

Уже всё решено за меня. Облокачиваюсь на стол и упираюсь лбом в ладони.

– Ты сегодня убил трёх мирных граждан, – тихо говорит отец. – И наследил. Это единственная возможность не схлопотать реальный срок.

– Я убил трёх бандитов! – вскидываюсь, чуть ли не кричу.

– Все бандиты в тюрьмах сидят, а ты убил мирных граждан. – Отец достаёт из ящика стола заранее приготовленную

ручку. – Ты же мечтал об этой работе.

– Мечтал... Пока не понял, чем она пахнет.

– И чем?

Молча доедаю кашу, подхожу к раковине и включаю воду.

– Дерьмом, потом и кровью. – Мою тарелку и ставлю её на сушку.

– Так ты подпишешь контракт?

– Ты, конечно, молодец! – поворачиваюсь к отцу и, вытерев руки, хрущу суставами пальцев. – Принёс мне готовый контракт и делаешь вид, что у меня есть варианты.

– Подписывай! Вернёшься из Чечни и прямиком туда.

– Это трындец! – в бешенстве ногой отшвыриваю табурет в коридор. – Ты со мной мог посоветоваться?

– А ты? – рявкает в ответ отец. – Перед свиданием.

– Я должен быть уверен, что Геля в надёжных руках и счастлива! – мечусь по кухне, осознавая безысходность.

– Они ждут ребёнка, – выкладывает отец козырного туза.

– И вполне счастливы. Клянусь.

Знал ведь, как ударить по больному. Вырываю из рук отца ручку и, наспех пробежав глазами контракт, ставлю размашистую подпись.

Зеленогорск 2005

Артур

Хлопает дверь. Первым из дома выбегает Глеб в чёрной джинсовой куртке на меху. Следом выходит Борис в такой

же куртке как у брата и Геля в пальто горчичного цвета. Борис больше на мать похож светлыми волосами и неспешными движениями. Но, видно, такой же боевой, как брат – это они в меня. Одиннадцать лет, мама дорогая, одиннадцать лет потеряно! Не знаю, как правильно поступить. Смогу ли я всё забыть и влиться в их жизнь, смогут ли они принять меня? Мой мысленный разговор с Гелей не клеится.

Уже собираюсь спуститься с дерева, как вдруг из-за поворота вылетает чёрный внедорожник и тормозит возле её дома. Подношу прицел к глазам и жалею, что пришёл без винтовки. Из машины выходит Алекс Монгол с корзиной роз. Этот человек разрушил нашу жизнь. Изнасиловал Гелю и похитил её, когда я застрял в Грозном в первую Чеченскую кампанию. Кэнди, подруга Гели, пять лет назад рассказала мне, что моя бывшая невеста уехала в Германию, а Алекс на Кипр. Правда, Кипр этот, оказался под Архангельском. По словам моего отца, Алекс мотал долгий срок. Не сказать, что годы обошлись с ним благосклонно. На висках седина, хотя ему едва за сорок. От накачанных плеч ничего не осталось. Но дорогое пальто на нём сидит как влитое. Хищный взгляд скользит по окрестностям. Интересно, он здесь частый гость или только вышел? Вряд ли он позволил бы сыновьям Гели носить мой жетон. Да и отец предупредил бы меня о таком соседстве. Странно, что про Гелю не сказал. У её папаши были хоромы. Здесь неподалёку. Тот ещё был нувориш. Алекс устроил засаду прямо у него в доме. Но в ловушку угодила

Геля. Допустим, она вернулась недавно в отчий дом, а Алекс только откинулся. Ну песня прям! «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались¹». На этот раз отступного я не дам.

Геля с детьми идёт к воротам. Алекс тыкает в кнопку, но звонок слышно только в доме. Задерживаю дыхание: «Только не открывай! Вернись в дом!» Геля распахивает калитку и, схватив детей за воротники, отступает. Алекс входит во двор.

В наушнике раздаётся вкрадчивый мужской голос:

– Не ждала меня, маленькая?

– Как ты нас нашёл?

– Добрые люди подсказали.

Значит, дом Геля приобрела новый. Но почему именно здесь? Воспоминания-то не самые приятные.

– Алекс... Мы торопимся...

– Торопитесь? – в голосе Алекса слышится усмешка. – Может, хотя бы представишь меня детям? А то отложила бы дела и в дом позвала. Десять лет не виделись.

– Фати! – кричит Геля, оборачиваясь к дому.

На крыльце появляется темноволосая женщина и испуганно закрывает ладонью рот.

– Фатима! Сто лет в обед, – машет рукой Алекс. – Иди, хоть тебя расцелую.

Фати исчезает в доме и возвращается в длинной стёганой

¹ «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались» – песня Олега Митяева, 1978г.

куртке. На вид Фати лет пятьдесят. Она спускается по ступеням крыльца и идёт к воротам. Лицо её напряжено, точно на эшафот собралась.

– Мам, кто это? – слышится голос кого-то из пацанят.

– Мой старый знакомый, – цедит сквозь зубы Геля.

Выдыхаю с облегчением. Гони его прочь, Мышка!

– Здравствуйте, Алексей Дмитриевич, – Фати прячется за плечом Гели.

– Ты хочешь, чтобы я сам представился детям? – Алекс знает, на какие рычаги давить.

– Фати, погуляй с ребятами, пожалуйста, – голос Гели дрожит, и она протягивает Фати кошелёк. – Своди их в кафе. А мы с Алексеем пообщаемся.

Фати, хватает детей за руки и уводит со двора.

– Алекс, нам не о чём говорить! – Геля обнимает себя руками.

– Хотел поблагодарить тебя за передачи.

– Пустое! Мне не сложно было попросить Андрея о такой малости. Единственный нормальный пацан из твоего окружения.

– Да ладно, Манюнь, ты ведь не просто так примчалась из Германии аккурат к моему возвращению, – смеётся Алекс и обнимает Гелю. – Я так соскучился! Напой хотя бы чаем.

– И потом ты исчезнешь! – отталкивает его Геля.

– Ты согласишься, если я скажу «да»?

– Нет! – вздыхает Геля. – Но я не из-за тебя вернулась

домой. Заруби это сразу на своём распрекрасном носу.

Меня бросает в жар. Ради кого, Мышка?

Алекс говорит по слогам:

– Хочу чай и бутерброд с сыром!

– У меня нет сыра!

– В корзине с розами не только цветы, Манюнь!

Геля берёт корзину из рук Алекса и идёт к дому. Твою ж дивизию! Слезаю с дерева, царапая в спешке ладони и пулей вылетаю со двора.

Глава 3

Геля

Спиной ощущаю взгляд Алекса.

– Думала, не найду тебя?

– От тебя разве спрячешься! Даже не стала менять фамилию.

Поднимаюсь по скрипучим ступеням и открываю дверь. Даже не знаю о чём говорить с бывшим мужем.

– Недавно купила этот дом. Старый-то мы с родителями продали перед отъездом...

– Почему ты мне не писала? – Алекс обнимает меня в прихожей. – За десять лет можно было хотя бы открыточку черкнуть?

– Мы расстались, если ты помнишь.

– Так давай сойдёмся, – Алекс щекочет губами моё ухо. Прикусывает его. – Хочу тебя, маленькая.

– Пусти, прошу!

Мысленно ругаю себя, что дала слабинку и пригласила Алекса в дом. Тщетно пытаюсь вырваться из стальных объятий.

Алекс зарывается носом в мои волосы и ослабляет хватку:

– Мой любимый аромат. Будто вчера только дарил тебе эти духи. Ты осталась мне верна, так же как и ему?

Рано я обрадовалась. Это всего лишь хитрый манёвр, что-

бы развернуть меня к себе лицом. Кажется, Алекс заполнил собой всё пространство нашей необставленной прихожей. Бывшую дачу двух бездетных старичков-профессоров словесности мне ещё предстоит привести в порядок. Я покрасила деревянные стены при входе в белый цвет, выкинула, кособокий гардероб, приколотила крючки. Повесила на два узких окна возле двери голубые занавески. Места казалось здесь хоть танцуй. Но вошёл Алекс и мне целый мир кажется тесным. Смотрю на бывшего мужа и тону в голодном взгляде синих глаз. В чёрных зачёсанных назад волосах серебрится седина. Слова застревают в горле. Алекс трётся носом о мой лоб:

– Скажи, что ждала меня! – одним движением Алекс растёгивает моё пальто на одной пуговице и вытряхивает меня из него. Инстинктивно закрываюсь руками, но он разводит их в стороны.

– Ты всё так же хороша, мать! Молодец!

– Нет! – На меня накатывает ярость, резко поднимая колено, метя Алексу в пах. Он закрывается и, схватив за запястья, впечатывает меня в ворох курток на стене. Завтра первый урок хореографии и придётся прятать от учениц синяки, оставленные пальцами Алекса. А так хотела надеть старую пачку и произвести фурор отточенным фуэте.

– Манюнь, давай по-хорошему...

– Давай! Попью чаю, как старые добрые знакомые, и разбежимся. Ты мужчина хоть куда, найдёшь себе девочку мо-

лоденькую...

– Вообще не катит. Значит, давай по-плохому, – Алекс стягивает с меня свитер и, удерживая одной рукой за горло, задирает юбку.

– Сколько же ты на себя напаялила? – ворчит он, разрывая на мне колготки между ног и проникая пальцами под трусы. – Мокренькая какая! Что говоришь-то? Я не нужен больше? На кобелей колхозных променяла?

Он таранит меня пальцами снизу, а я силюсь вырваться, молотя его кулаками куда придётся. Ухватив меня за подбородок, Алекс врывается в мой рот языком. Отворачиваю голову. Горячее дыхание Алекса обжигает, ощущаю всем телом его желание. Силы покидают меня. Знаю, что он всё равно возьмёт своё.

– Алекс, пожалуйста!

– Вот это другое дело! Это слово из твоих уст меня всегда распаляло ещё больше. – Алекс расстёгивает ремень на брюках. – Скажи: «Возьми меня, пожалуйста, я так по тебе скучала».

– Убью тебя! – желчь так и бурлит во мне. Хочется наговорить несусветных гадостей, чтобы даже дорогу сюда забыл.

– Затрахашь до смерти? Ты прелесть, Геля, – Алекс разворачивает меня лицом к стене. – Моя мягкая, вкусная девочка.

– Ты не сломаешь меня второй раз! – нащупываю в одном из карманов садовые ножницы и размахиваю ими, пытаюсь

достать Алекса.

– О, в ход пошли колющие и режущие! Это статья, Манюнь, дай их лучше сюда, – Алекс отбирает у меня единственное оружие и, отшвырнув его, старается воткнуть в меня член.

На улице оглушающей сиреной взрывается автомобильная сигнализация.

Алекс на миг замирает, но тут же вновь хватается за мои бёдра. Кое-как прибитые крючки не выдерживают, и мы летим с кучей баракла на пол. Липкая жижа заливает мои бёдра, проникая под разорванные колготки.

– Мощно! Какая же ты классная! Прибери пока здесь, а я машину гляну, – Алекс встаёт, вытирается краем занавески и застёгивает штаны.

Он выбегает за порог, а я подпрыгиваю, как ужаленная, и запираю дверь на оба замка. Сирена стихает. Алекс возвращается и дёргает дверь за ручку.

– Манюнечка, открой! – канючит он. – Кошечка моя царапучая.

– Уходи! – упираюсь лбом в дверь.

– У нас дети! Куда мне идти?

– Это мои дети, Алекс! – сбрасываю ботильоны и, брезгливо морщась, стягиваю с себя колготки. Как бы там ни было, а не далась я ему. Маленькая, но победа.

– Ну я тоже к этому делу приложил... И не только руки.

– Их отец твой брат! – Сколько раз я представляла этот

разговор с Алексом, но всё равно голос дрожит.

– Что ты говоришь? Вай-вай-вай. Как получилось-то так? Я, значит, тебя тогда весь месяц драл, не вынимая, а пацанята родились от брата.

– Это дети Артура, – трясущимися руками натягиваю свитер.

– Чем докажешь? Да открой ты! – Алекс бьёт кулаком по двери.

Заметаю следы драки, складываю одежду в кучу.

– Глеб – его копия!

– Манюнь, ты серьёзно? – противно смеётся Алекс. – Глеб копия моей матери, как и Артур.

Это слабое место в мысленном разговоре с бывшим мужем я так и не проработала.

– Короче, ангел мой, – Алекс меняет тон на деловой, – я вернулся в дом в Сестрорецке, спасибо, что сохранила его для меня.

– Ты оставил мне достаточно денег, – тоже беру себя в руки, – могу переписать его обратно на твоё имя.

– С большей радостью перепишу тебя и пацанов на своё имя. Я вернулся домой и хочу, чтобы ты с детьми переехала ко мне. Если тебе неприятно возвращаться в тот дом, давай обсудим, где совьём новое гнёздышко.

– Алекс, ты, наверное, не услышал меня. Я вернулась в Россию не ради тебя.

– Как же тебя услышать если ты всё время брыкаешься?

Ради кого, моя прелесть?

– Это тебя не касается. После того, что ты сделал...

– Манюнь, ты прости меня. Увидел тебя и крышу начисто сорвало, – судя по звуку, теперь Алекс стучится в дверь лбом. – Готов искупить вину. Не дури. Пёрышки почисти, и давай вечером посидим в ресторане на побережье. О делах наших поговорим.

Молчу, прикидывая, куда бы свалить с детьми.

– Я заеду в восемь. Скажи хотя бы «мяу», – Алекс скребётся как кот.

– Мяу.

С облегчением слушаю удаляющиеся шаги. Артур, как мне нужна твоя помощь! Сколько же можно родину защищать?

Сама точно десять лет в тюрьме провела. В Мюнхене, где осели мои родители, жила как монашка. Местные мужчины не прельстили меня. Чужбина и тоска. Этим летом с мальчишками и Фати, не питая ни надежд, ни иллюзий, рванула в Россию искать Артура. Сняла дом в Зеленогорске. Артур жил где-то на Пионерской, около универсама «Серебряный». Начала методично обходить все ДЕЗы² и узнала, что Виктор Правдин продал квартиру. Отчаялась.

² ДЕЗ – дирекция единого заказчика. Пришли на смену ЖЭКом с 1996 года.

Глава 4

Артур

Качнул машину Алекса пару раз плечом и взорвал мирную жизнь посёлка орущей сиреной. Оббегаю Гелин участок и без проблем подкатываюсь под забор. Он хоть и высокий, но беспонтовый в плане защиты. Как и всё в этом доме советской постройки. Кто ж так лестницу бросает! Прислоняю её к стене и забираюсь на второй этаж. Ножом отодвигаю щеколду на старой разохшейся раме и проникаю в комнату. Чуть не падаю – нога уезжает на игрушечной машинке. Сразу видно, что здесь живут пацаны. Две кроватки, застеленные покрывалами с белыми якорями, по стенам развешаны рисунки танков и самолётов, на полках самодельные модели военной техники расставлены рядом с детскими книжками. «Зачёт, мышонок! Правильно пацанят воспитываешь» – мелькает в голове мысль. Но я сейчас сюда не в качестве ревизора нагрязнул. Выхожу из комнаты, ступаю бесшумно по вытертому ковру. На втором этаже ещё одна комната и две лестницы: вниз и на чердак.

Сирена смолкает. Нужно действовать тише. Толкаю плечом дверь во вторую комнату. С одного взгляда понятно – здесь живёт не Геля. Значит, женщина со странным именем Фати. В полном исполнении, полагаю, Фатима. Цветные подушки и лоскутное покрывало на высокой кровати. Около

неё турецкие тапочки с загнутыми вверх носами и пёстрый халат на стуле. На небольшом столике возле окна корзина с клубками шерсти, спицами и недовязанным шарфом. Кресло и торшер – неизменные спутники уюта уходящей эпохи. Морщусь от приторного запаха и нахожу источник. Индийские палочки-вонялочки возле корзины – веяния нового времени. Мадам не тянет на родственницу светловолосой Гели. Но раз Алекс её знает, значит, с мышкой она живёт давно.

На чердаке никого. Прислушиваюсь к разговору на первом этаже. Чтобы различить слова, спускаюсь на веранду с витражными стёклами. Новый холодильник выделяется белым пятном на фоне простенькой советской кухни. Геля громко разговаривает с Алексом. Судя по его нытью – через дверь. «Их отец твой брат», – фраза Гели ставит меня в тупик. «Это дети Артура!» – спина намокает под тельняшкой. «Глеб копия моей матери, как и Артур», – гром среди ясного неба. Этот ублюдок мой брат? Но как? Мои родители никогда бы не бросили своего ребёнка. Но не потому ли отец так рьяно бросился защищать Алекса одиннадцать лет назад? Чувствовал вину перед другим сыном? Кровь бурным потоком устремляется к голове, в ушах слышатся фантомные разрывы снарядов. Сгибаюсь пополам, закрывая уши, но как заткнуть канонаду в мозгу. Прислоняюсь лбом к холодильнику. Из-за приступа, пропустил часть разговора. «Увидел тебя и крышу начисто сорвало», – о чём это? Лезу в кар-

ман за таблеткой и запиваю её, зачерпнув ковшиком воды из жестяного ведра у входа. Не факт, что поможет, а эффект плацебо со мной не прокатывает. Прощаются. До восьми. Смотрю на свои котлы – остался час. Неужели Геля отправится с ним на свидание?

Бормотание Гели отрезвляет меня. Оглядываюсь в поисках укрытия. Сейчас она войдёт на веранду и привет. Я ещё не готов к встрече, да и Геля испугается. Господи, мои это дети, мои! И девочка моя. Прежде, чем Геля выходит на веранду из предбанника, успеваю скрыться в соседней комнате. Это опочивальня моей мышки! На трюмо мазилки разные и духи, на узенькой тахте возле подушки сорочка кружевная, на стене, рядом с выцветшими чёрно-белыми портретами Гумилёва и Ахматовой, цветная фотография сыновей. Посередине – круглый стол под бархатной синей скатертью до пола. Разложен пасьянс и стоит кружка с недопитым чаем. Хочу до дрожи увидеть Гелю вблизи. Ныряю под стол, не удержавшись, делаю ножом маленький угловой надрез на скатерти.

– Бандитом был, бандитом остался! – Геля входит в комнату и швыряет колготки возле двери.

Да блин! Когда он успел-то? Как хомячок, что ли. Убью гниду!

– Как можно быть таким варваром? – Геля проходит к окну и задёргивает белые занавески. Останавливается у трюмо. Делаю новый разрез на скатерти.

Геля в короткой кожаной юбке и кружевном лифчике стоит перед тройным зеркалом. Грудь её возмущённо вздымается, но руки поглаживают бёдра. Как же моя мышка хороша! Даже с растрёпанными волосами. Ноги ладные, кожа на вид, как шёлк. Хочется дотронуться.

– Разбередил душу и тело, демон. Словно и не было этих лет разлуки, – Геля стаскивает с себя юбку и чёрные трусики. – Всю уделал, но моя взяла!

Небеса, какими гадостями они занимались, пока я нёсся сюда? Забываю, как дышать, разглядывая её по-девичьи узкие бёдра. Геля снимает лифчик, открывает дверцу трюмо и достаёт полную бутылку «Мартини».

Геля отвинчивает крышку и, оглядевшись, отпивает прямо из горла.

– После такого, конечно, лучше бы водки.

Тоже не отказался бы. Завороженно рассматриваю внизу живота Гели пухлые губки с нежным светлым пушком. Член уже онемел от боли, а яйца словно в тиски зажаты. Начинаю понимать, что произошло в прихожей. Я сейчас тоже тут всё уделаю. Геля садится на стул и делает ещё глоток.

– Это, конечно, метод страуса, – она закидывает ноги на стол. – Но если я нажрусь в зюзю, то свидание накроется медным тазом. Типа медотвод. Хотя, когда Алекса хоть что-нибудь останавливало. И что теперь? Бежать? Покупать пистолет?

Геля отпивает ещё, и, поставив бутылку на пол, ведёт ру-

ками по груди, разминает одну и другую, массирует соски, сминает их. Язык скользит по приоткрытым губам.

Пожираю Гелю глазами, но голод лишь усиливается. Это выше моих сил. Моя необласканная девочка. Лучше бы с меня кожу содрали живьём, чем такие муки. Зацелую тебя всю от макушки до кончиков пальцев. Потерпи. Теперь уж точно не стоит вылезать из-под стола. Закончив играть с грудью, Геля разворачивается к зеркалу.

– А может притвориться пьяной и устроить дебош в ресторане? – Геля берёт перьевой веер и обмахивается им, томно прикрыв глаза. Рассматривает себя из-под длинных ресниц в трёх зеркалах. – Что скажете, дамы?

«Что он трахнет тебя, не доезжая до ресторана», – рвётся у меня с языка. В груди тут же вскипает злоба, как смола в адовом котле. Геля серьёзно собралась к нему на свидание?

Хлопает входная дверь, и Геля поспешно натягивает сорочку. Убирает бутылку под скатерть и прячется за створкой шкафа. Достает из него чёрный халат с золотыми драконами.

– Мам! Смотри какой щенок! – вбегают мальчишки с лохматым псом. – Давай возьмём его дом охранять?

– Здравсьте, приехали! Какой же это щенок? – Геля затягивает пояс.

Пёс, похожий на болонку, нюхает воздух, и я понимаю, что этого товарища правда стоит взять в охранники. Только не сейчас! Пёс заливается лаем и вырывается из рук Бориса.

Глава 5

Геля

– Стоять, Зорька! – ору, подхватывая собаку, как вратарь мяч. Мартини она, что ли, учуяла. Спалит меня сейчас перед детьми. Без мохнатого собутельника обойдусь. – Во-первых, братцы-кролики, кто вам разрешал входить без стука, да ещё в верхней одежде врываться к маме в комнату?

– Простите, засранцев! – шаркает в поклоне Глеб.

Борис, выпучив серые, как у меня, глаза толкает его плечом.

– Это где ты такое слово услышал? – глажу болонку. Она с подозрением обнюхивает меня. Вряд ли её прельстили мои французские духи. Однозначно на алкоголь натаскана животи́на.

– Это нас тренер, Кирилл Андреевич, так назвал. Помнишь, Борис тогда за мной после кружка юных физиков зашёл. Показал пацанам в раздевалке первый закон термодинамики на примере бутылки с лимонадом ... Ой, у нас же новый тренер! Знаешь, какой классный!

– Стопэ! Помню! Звонил мне тогда Кирилл... Андревич. – Тренер Глеба подкатывает ко мне уже полмесяца. Но на боксёров, после Алекса, я вряд ли когда-нибудь поведусь. Тем более Кирилл младше меня на десять лет. – Вернёмся к собаке. Она не похожа на бездомную. Так что кругом!

– Ну мама!

– Кругом! И шагом марш в свою комнату писать объявления: «Найдена собака, – смотрю на ухмыляющуюся собачью морду. Глазки-пуговики, стриженная чёлка, – очень скучает по своим хозяевам».

Собака опять начинает вырываться и лаять.

– После «скучает» поставьте три восклицательных знака!
– вручаю пса Глебу: – Только держи крепче. Фати, прине-
сёшь собаке что-нибудь слопать?

Выставляю компанию за дверь и выхожу на веранду. На витражные окна тоже нужно повесить занавески. И решётки поставить. Бывают же такие симпатичные – ажурные.

На лестнице стихает топот мальчишеских ног. Фати касается моего локтя:

– Ну что, всё вернулось на круги своя? – в её голосе слёзы.

– Это было ожидаемо. Ты же знаешь, Питер – город маленький.

– Прямо у дверей? Как собака?

Сверху доносится собачий лай.

– Давай не будем больше о собаках!

– Так зачем ты в дом-то его повела? – качает головой Фатима.

– Знаешь, хоть Германия и спец по фильмам для взрослых, но я за десять лет жизни там совсем забыла, что собеседника опасно приглашать домой. – Достаяю из комода ящик с инструментами, оставшийся от прежних хозяев. – Пойдём

крючки на место прибыём. После собеседования.

– Забеременеешь ведь снова.

– Ты будешь удивлена, но шторм по имени Алекс сегодня лишь омыл мои берега.

С молотком и гвоздём в руках ищу в стене прежние дырки.

– Дыхни-ка, – Фати, отыскав крючки в ворохе одежды, выпрямляется и с подозрением смотрит на меня.

– Да, я пила! – беру у неё крючок и прислонив к стене луплю молотком по шляпке гвоздя. – Потому что вечером Алекс придёт снова. И я... Я не знаю, что делать.

Сажусь на ворох одежды и прислоняюсь к стене. Теперь каждый раз входя в дом, буду вспоминать о нашей фееричной встрече с Алексом.

– Он любит тебя, – Фати, хватаясь за поясницу, встаёт на колено и усаживается рядом со мной. – И вряд ли когда-нибудь оставит в покое.

– Моё тело помнит его, – кровь приливает к щекам, когда я вспоминаю губы Алекса на шее, его жадные пальцы, терзающие моё лоно. Горячее прикосновение члена, рвущегося внутрь меня.

– Что про детей сказал?

– Хочет записать их на себя.

– Знаешь, кызы... – Фати берёт меня за руку, и я кладу ей голову на плечо. К моей матери вернулась память, но не разум. Поэтому Фати стала для меня второй мамой. – Я сего-

дня увидела Алекса и призналась себе, что хочу вернуться к нему. Я же тогда из женской солидарности психанула. У нас с тобой, сама знаешь, судьбы похожи. Но Алекс был хорошим хозяином. Дурил, конечно, но это из-за вседозволенности.

– А Юлю он тогда от вседозволенности на столе разложил? Фати толкает меня плечом.

– Юля твоя та ещё провокаторша. Будто сама не знаешь.

– Я бы хотела её увидеть. Но даже не знаю, где искать.

Смотрю на часы – через полчаса приедет Алекс, а я сижу на полу и вспоминаю, как бывший муженёк меня лапал.

Фати подливает масла в огонь:

– Геля, ты живёшь прошлым! Кончай душить. Алекс такую школу прошёл. Старых ошибок не повторит.

– «Воровка никогда не станет прачкой»³, – поднимаюсь и, напевая, приколачиваю крючок за крючком.

Звонок в дверь оглушает, но ещё громче стучит сердце:

– Скажи ему – меня нет! Заболела, умерла, вышла в астрал и не вернулась.

Помогаю Фате встать, и, захватив молоток, смываюсь в комнату.

– Не дури, кызы! – несётся мне вдогонку.

– Уехала скажи! С хахалем!

В комнате холодно. Окно вроде закрыто было. Бросаюсь к нему – открыто! Срочно решётки и современные замки на

³ «А я милого узнаю по походке» – песня неизвестного автора. В 90-е годы обрела популярность, благодаря исполнению Гариком Сукачёвым

все рамы и двери поставлю. Щеколда на старой — достаточно поддеть ножом. Хлопает входная дверь. Бегу к выключателю и вырубая свет. Ныряю под стол. Детский сад, но если Фати не спалит меня, то, может, и прокатит. Высовываю руку наружу и забираю бутылку. Всё! Я в домике. Пью из горла и трясусь как заяц. Слышу, сыновья несутся по лестнице. Собака заливается колокольчиком. Ну конечно, а я-то думаю, кого не хватает в этом хоре голосов. Мальчики, не подведите!

— Вы к маме? — Борис сообразительнее Глеба, но беспечнее. Безоблачное детство в Германии не прошло даром. — Её комната здесь. Только постучитесь...

— А вы кто вообще? — Глеб более бдительный.

— Ай! — вскрикивает Алекс. — Милый пёсик. Как его зовут?

— Зорькой мама назвала, — Глеб явно не намерен пускать Алекса в мою комнату. — Так кто вы?

Небеса, кто-нибудь там успокойте собаку!

— Ты ещё спроси: «Чьих будешь?» — смеётся Алекс. — Молодец, пацан. Глеб? Ведь правильно?

— Правильно будет, когда назовётесь, — бычит Глеб.

— Алексей Чернов. Может слышал?

— А должен был?

Отпиваю ещё пару глотков. Если Фати сказала, что меня нет, то Алекс скорее всего отправится ждать меня в машину. Или он заметил промах Бориса?

– Мальчишки! Идите наверх. Что за невоспитанность?

– Подожди, Фатима!

– Алексей Дмитриевич! У ребят ещё уроки не сделаны.

Мама придёт, ругать их будет.

– Маму нужно слушаться! Хорошо учитесь?

– Нормально, – Борис поймал волну брата.

– Тогда надо будет вознаградить таких бравых пацанов!

Алексей Чернов! Давай лапу!

– Борис, – представляется мой маленький заучка.

– Лапу пусть Зорька даёт. У меня рука, – Глеб не ведётся на сладкое.

– Тогда дай пять!

– Держи краба! Вон убежал! – Топот ног вверх по лестнице говорит, что Глеб оставил Алекса с носом. Не очень вежливо, но я не буду сына ругать.

– До свидания! – Борис поднимается по лестнице не спеша. Тявкающая охрана, похоже, в его руках.

На втором этаже хлопает дверь. Сейчас Фати выставит Алекса, и сигану через окно на задний двор... Господи! Ничего не поменялось. «Ну, погоди!», вторая серия. Версия «18+».

– Значит, говоришь, нет Манюни? – в голосе Алекса усмешка.

– Мы пришли, а её нет.

– Пальто жёлтое на месте. Или у неё их, как в наборе трусов «Неделька»?

– Алексей Дмитриевич, ну нет вашей Манюни.

– Дай хоть взглянуть, как моя девочка обустроилась.

От неожиданности обливаюсь мартини. Дверь распахивается и луч света с веранды проникает в моё укрытие через дырку в скатерти. Когда парни успели её расковырять?

– Алексей...

– Вышла отсюда, я сказал! – рычит Алекс, включая свет. Мурлычет, закрыв за собой дверь: – Какой дивный аромат. Позабыл его совсем.

Алекс проходится по комнате. Скатерть, шелестя картами, слетает со стола.

– Давно бухаешь в одиночку?

Алекс садится на пол и допивает из кружки остывший чай.

Глава 6

Артур

Представляю, каким идиотом я предстал бы перед Гелей и детьми, не поймай она болонку. Так и вижу, как выбираюсь на четвереньках из-под стола. Никакие слова в голову не лезут, кроме дивного вопроса из фильма «Двенадцать стульев»: «Наших в городе много?» Обошлось, к счастью или к несчастью. Из разговора Гели с Фати, я понял, что моя мышка любит этого мудака. Всеми четырьмя лапами упирается, но её тело помнит и хочет Алекса. Не меня. Психанул и свалил через окно. Дома рухнул, не раздеваясь, на диван в гостиной.

– Ты где колобродил? – отец садится ко мне на диван. – Опять боли?

– Отвали от меня! – рычу в подушку.

– О как! Ты ничего не попутал?

Соскакиваю с дивана, чуть не спихнув отца, и прохожусь по комнате. Над камином портрет матери. Мы и правда очень похожи: тёмные волосы, карие глаза... Они каждый раз смотрят на меня по-разному. Сейчас, мне кажется, с укором. Как обычно, тушуюсь перед мамой. Я потерял её, когда мне только исполнилось тринадцать лет. Частенько приходилось жить у бабушки и деда – родителей отца. Последние полгода до трагедии, разрушившей нашу жизнь, я целиком

провёл у них. Отец по специальности военный врач, мать – медсестра при нём, регулярно ездили в Афганистан, и командировки их становились всё длиннее. Скучать времени не оставалось. Дед, ветеран войны и полковник в отставке, организовал меня по полной в плане боевой подготовки. Возил в соседний военный городок в клуб «Юный ленинец» на тренировки по рукопашному бою и в тир. Я и не думал идти пойти после школы куда-либо кроме военного училища.

1980 г., Волхов

В год гибели матери газеты и журналы пестрели изображениями олимпийского медведя и счастливыми лицами спортсменов, но для нас восьмидесятый начался с трагедии. В январе отец вернулся домой из командировки один. Тот день я помню во всех подробностях.

Зачерпываю пригоршню снега и прижимаю к разбитым губам. Рот наполняется солёной влагой. Свежая рана горит. Ещё и ногу словно гвоздь прошил. Карканье вороны на бетонном заборе алюминиевого завода похоже на смех. Запускаю в неё снежком, но промахиваюсь. Ворона косится на меня, не улетает, но больше не каркает.

– Так-то лучше, – бормочу я.

Никому и никогда не даю спуска. Срываю поклёванную птицами окоченевшую гроздь рябины и бреду дальше в порванной джинсовой куртке на меху. Такой здесь ни у кого нет. Из-за неё и подрался с пацанами. Для них я «город-

ской». Местные меня так и не приняли за своего. Сегодня снова борзанули, а я не стерпел и врезал одному кулаком в живот. Меня сбили с ног и отпинали за милую душу. Пятеро на одного. А мне и не нужна их дружба. Я по жизни одиночка.

Дед расстроится. Я ещё и «самый проблемный» в классе. Так учительница ему перед каникулами сказала, когда вызвала за очередную драку с одноклассником.

Горький сок рябины – вкус моей сегодняшней победы. Всё равно я сделал пацанов. Потому и били толпой, что один на один со мной не справиться. А я хорошо врезал! Гад согнулся даже.

Дед простит. А бабушка добрая у меня. Уткнусь ей в колени, покаюсь, скажу, что больше никогда, ни с кем. Она поцелует меня и посадит за стол. Когда вернутся родители из командировки, уже всё забудется. Посижу на реке, пока дед не уйдет играть в шахматы к соседу.

Забираюсь на зимующий во льдах катер – белый с черной полоской по борту. Мы с ним оба ждём весны. Он чтобы уйти в навигацию, а мне мать обещала, что оставит работу и заберёт меня в город.

В сапог попал снег. Нога как не моя. Снимаю разбухшую обувку и, отжав носок, вешаю его на перила. Так вот что так мучило меня всю дорогу! Достаю из портфеля циркуль и протыкаю белый пузырь на большом пальце. Выдавливаю мутную жидкость, растираю стопу ладонями.

Жрать охота. Гречки бы горячей с тушенкой! Сую деревянные пальцы в карманы. Тепло. С удивлением достаю открытку. От восторга сердце подпрыгивает мячом. Ровным почерком с завитушками на обратной стороне открытки выведено: «Артур, приглашаю тебя на день рождения! В субботу, в 15 часов. Наташа Мартынова». Забываю про драку и стремглав бегу домой. Возле подъезда стоит отцовская «Волга». Перелетаю через ступени и втыкаю ключ в замочную скважину.

– Батя! – не раздеваясь врываюсь на кухню и бросаюсь на шею отцу.

Он сидит на дедушкином стуле, накрытом овчиной, и смотрит на меня затуманенным взглядом. Неужели дед его вызвал из-за моих постоянных драк? Он с бабой Катей сидит по другую сторону стола. Бабушкины щёки в слезах. На столе початая бутылка «Столичной» и почему-то четыре стопки. На одной лежит ломтик хлеба. Поправляю надорванный на плече рукав, облизываю разбитую губу. – Я... Я... защищался.

– Артур, сядь, – дед подвигает мне табуретку, но я не двигаюсь.

Отец поднимается и, ухватив ладонями моё лицо большим пальцем ощупывает мою губу.

– Мать, дай аптечку, – бросает он через плечо.

Бабушка достаёт с холодильника обувную коробку с нарисованным крестом и снова садится. Делает всё на автомате.

– Артур, мы все вместе в город завтра утром поедem, – отец обрабатывает губу перекисью и присыпает белым порошком из пакетика. Впервые вижу, чтобы у него тряслись руки. – К маме. То есть... Чёрт! Я не знаю, как сказать!

Он, хлопнув дверью, выходит на лестницу. По моей спине струится пот. В куртке жарко, но дело явно не в этом.

– Марина... – дед запинается и начинает заново. – Твоя мама погибла, Артур. Смертью храбрых. Она сопровождала раненных в госпиталь... Их грузовик обстреляли.

Выбегаю на лестницу и утыкаюсь головой в грудь отца. Не знаю, сколько стоим обнявшись.

После похорон отец, забрав меня к себе, остался в Ленинграде, и сам занялся моим воспитанием. Даже мать не уделяла мне столько времени. Она всегда следовала за отцом. Даже когда он был рядом, ловила каждый его взгляд.

2005 г., Зеленогорск

– Почему ты мне не сказал, что Алекс тоже твой сын? – смотрю на портрет матери, словно где-то за мазками акварели спрятан ответ на мой вопрос.

– Потому что он не мой сын. Ты всё-таки нашёл Гелю?

Скрип дивана и бульканье за спиной заставляют меня обернуться. Отец разливает в два бокала коньяк у бара.

– Ты знал, что Геля живёт с нами по соседству и молчал? – У меня перехватывает дыхание. – Твои внуки росли столько лет без отца.

– Давай по порядку, – отец отпивает из бокала пару глотков, – Алексей Чернов мне не сын, а, стало быть, и внуки не мои. Гелю я только на днях заметил возле нашего дома. Если честно, удивился и пока даже в толк не возьму, здороваться ли с ней при встрече? Я её видел до этого всего пару раз в жизни. И оба случая не вызвали у меня желания записать её в невестки.

– Где ты её видел? – опираюсь кулаками на стол и смотрю на отца исподлобья.

– Ты правда хочешь знать это?

– Да! – ударяю по столу. – Да! Да! Да!

Отец подносит мне бокал, но я беру с каминной полки большой коробок спичек и высыпаю их на белоснежную скатерть:

– Говори!

– У всех в юности бывают друзья-приятели, – отец открывает в камине заслонку и разжигает стопку дров за чугунной решёткой. Сухое дерево быстро схватывается, и отец усаживается в кресло, вооружившись кочергой и бокалом коньяка. – Но когда пацаны влюбляются в одну девушку, считай, дружбе конец. Вот и мы с Димкой... Твоя мама выросла в детдоме. Она не хотела, чтобы ты знал об этом. Но это уже неважно. Мы с ней познакомились в конце пятидесятых. Белые ночи – самое время влюбляться. Увидели Марину на набережной и оба с Димкой погибли. Два года ухаживали за ней, выделяваясь кто во что горазд. Димка покорял ринги,

а я штудировал учебники по медицине и не вылезал из анатомички. Потом стал замечать, что Марина при встрече со мной всё больше смущается и молчит. Терялся в догадках. Не мог понять, она влюблена в меня или не знает, как отшить. А спросить гордость не позволяла. И тут у меня командировка. Как раз перед Маринкиным днём рождения. Собираю сумку, и Димка является. Заявляет с порога, что теперь просто обязан жениться на Марине, как честный человек. Я так и плюхнулся на подоконник, опрокинув горшок с маминными фиалками. Спрашиваю, мол, переспали они что ли? А он мне так с вызовом: «До этого ещё не дошли. Маринка сказала, что только после свадьбы. Пока просто тискаемся».

Мне вдруг стало так противно, что захотелось вышвырнуть бывшего друга из комнаты. Пропроцедил сквозь зубы поздравления, сказал, что тороплюсь на вокзал. Димкино «Бывай!» поставило точку в нашей дружбе.

Домой возвращаться не хотелось. Удалось задержаться в командировке. Вернулся после дня рождения Марины. Понял, как соскучился по ней. Марине от государства перепала комната, куда я прибежал сразу с вокзала. Цветы купил. Соседи по коммуналке передали мне прощальную записку. Марина писала её явно впопыхах. На память пришли Димкины слова. Напился в тот вечер в морге с другом-практикантом. Проснулся утром на каталке. Поклялся себе больше не пить и не влюбляться. Вычеркнул Марину с Димкой из памяти.

После академии на месте не сидел. Военный хирург всегда

при деле, сам знаешь. Часто катался по горячим точкам, заводил лёгкие интрижки, но в сердце больше никого не пускал. Марина объявилась в моей жизни спустя пять лет. От весёлой красавицы осталась лишь зыбкая тень. А я увидел свою первую любовь, и точно не было разлуки. Только потом Марина призналась, что нашла меня и несколько дней поджидала возле работы. Разыскать меня было несложно. Где учился, там и работать остался. После ночной смены она меня как раз и встретила. Пригласил Марину в кафе возле академии и первые полчаса даже слова вымолвить не мог. А Марина говорила, будто все эти годы молчала: «Я погибаю, Вить, – мяла она в руках льняную салфетку и смотрела на меня своими пронзительно карими глазами. – Дима ведь силой взял. Первый год думала, ты найдёшь деревню, в которую он увёз. Ведь я так любила тебя. Ждала, что ты мне предложение сделаешь. Ради тебя в медучилище пошла... Сын у нас с Димой. Копия своего отца, наверное, потому я и не в силах принять его. Беременной ходила, вытравить пыталась. Потом в церковь случайно зашла, и батюшка велел дурь эту из головы выкинуть. Ладный пацанчик родился. Дима в нём души не чаёт. А у меня все мысли о тебе».

Пытался вразумить её, мол, Марин, подумай, ребёнок у вас. Говорю, а сам на пальцы её тонкие смотрю. Дрожат, будто у пьяницы, хотя видно, что в рот ни капли не берёт. А она снова за своё. Да ещё врач-дурак ей диагноз поставил. Напугал, что умирает она. Поэтому Димка их обратно в го-

род и перевёз.

Я ей говорю, глупости это всё. Подключу лучших докторов. Ладно Димка. О ребёнке просил подумать. Написал телефон свой на бумажке. Велел позвонить мне завтра.

Марина записку в рукав спрятала и засобиралась, мол, извини, пора мне. Поднялась и пошла к выходу. А из меня точно душу вынули, и предчувствие закралось страшное. Пошёл следом за Мариной. Она шла точно пьяная. Чуть не попала под машину, шагнув на дорогу под красный свет. Дошла до середины Литейного моста и уставилась на воду. Днём здесь никогда народу нет. Постояла и полезла через перила. Я едва успел схватить свою любимую Маринку. Говорю, мол, что делаешь глупая, а сам целую её солёное от слёз лицо. Мне ведь всегда казалось, что Марина предпочтёт Димку. Именно поэтому я поверил её письму и не искал их. Вину свою в полной мере осознаю. Не разглядел, не почувствовал, а всё гордость проклятая.

А Марина шепчет, что ноги домой её не несут. Жить не хочет, коли мне не нужна. И тут я сказал, как отрезал: «Нужна!».

В тот же день мы её вещи перевезли ко мне, пока Димка таксёрил, а Лёшка в садике был. Дмитрий быстро нас отыскал. С ножом подстерёг меня в подворотне. Да я бы и так не выстоял в драке с мастером спорта по боксу.

«Знал, что ты придёшь, – говорю ему, а мысленно уже с жизнью прощаюсь. Спиной к стене прислонился. Холод бе-

тона до сих пор помню. — Хочешь убить меня, имеешь полное право. Но чего ты добьешься? Марина скорее ляжет в землю следом за мной, чем вернётся к тебе».

Димка как-то сник сразу и нож в урну выкинул. Признался, что насильничал Марину в первый раз. Думал, простит его, когда увидит какой он дом для них приготовил, почувствует, как он любит её безмерно. До сих пор любит.

Смотрю на бывшего друга и не узнаю его. Такой рубаха-парень раньше был, а сейчас точно пёс побитый. Но тут уже не до жалости, говорю ему, мол, Марина выбрала меня, отпусти её.

А он с козырей заходит. Сыном их общим попрекает. Прямо по больному бьёт. Понимаю, надо договариваться. Прошу его позволить Марине с ребёнком видится. Но здесь точно коса на камень нашла. Нет и всё.

Не передать словами, как мне самому больно за всех нас стало. «Ты можешь не верить, — говорю Димке, — но я чувствую вину перед тобой. Хотя Марина сама меня нашла. Может, это и глупо прозвучит, но давай останемся друзьями».

Дмитрий совсем ссутулился, точно ему на плечи всю тяжесть мира положили. И тут меня словно чёрт дёрнул. Говорю Димке, мол, у меня теперь возможностей много. Отблагодарю тебя. Как будет какая печаль, помогу. Но, пожалуйста, оставь Марину в покое. Ты бы видел, как она расцвела.

Димка усмехнулся тогда криво и махнул рукой: «На чужом несчастье, счастья не построишь. Мне это не удалось,

и у вас не получится. Тварь она. Ладно я, но Лёшка... Передай: увижу её рядом с сыном, зашибу камнем, как змею».

Дмитрий действительно однажды наkostenялся Марине около детского сада. Но в нашу жизнь он не лез. А мог бы здорово мне карьеру громким разводом попортить. И вот спустя четверть века пришла моя пора платить по счетам. Когда я увидел в девяносто четвёртом Алексея около могилы Марины, подумал – призрак. Он удивительно похож на отца. Оказывается, Дмитрий тоже всю жизнь скрывал от сына правду, сказав, что мать уехала в Штаты. Рядом с Алексеем шла хорошенькая девушка. Я побродил среди могил, не решаясь подойти. Вскоре пара вышла с кладбища и села в чёрную бэу. Машина не трогалась, и я принял это за знак. Подошёл. На переднем сиденье лежала полураздетая девушка. Алексей ласкал её по-взрослому. Я смутился и поехал домой. Тем же днём нашёл в твоей окровавленной куртке фото девушки Алексея. Теперь ты понимаешь, почему я нажал на все рычаги, чтобы ты искал себе невесту в другом месте?

– Аж в Югославии. – Пока слушал отца, построил спичечный домик. Встаю и прохожусь по комнате: – Зашибись! Меня всю жизнь обманывали собственные родители. А вы никогда не задумывались о том, как бы изменилась моя жизнь, Алекса, сумей вы договориться. Конечно, он ненавидит женщин. Все проблемы из детства. Но это ваши дела. Зачем ты мне-то жизнь сломал? В начале девяносто пятого?

– Сломал? Да я еле замаял тройное убийство! Только отъ-

езд из страны мог спасти тебя. Наследил здорово.

– Я про Гелю. Когда я приезжал пять лет назад, Кэнди мне всё рассказала. Алекс на цепи держал мою девочку, пока она не сдалась.

– Возможно эта игра их обоих устраивала...

– Геля любила меня! Мы собирались пожениться! – смахиваю со стола спичечный домик.

– Я был с Дмитрием в гостях у этой чудесной пары, – отец достаёт из бара пачку «Данхилла» и щёлкает бензиновой зажигалкой. – Цепей не видел. А вот Гелин живот и то, как Алекс влюблённо смотрел на твою бывшую девочку, хорошо запомнил. Дмитрий попросил вернуть долг. У меня не было оснований отказать ему. Пара готовилась к свадьбе.

Мне на грудь точно бетонную плиту кинули. Не глядя на отца, я, хлопнув двери, вышел из комнаты. Схватил с тумбочки ключи от своей «бэхи» и спустился в гараж.

Глава 7

Геля

– Я не бухаю, – икаю то ли от страха, то ли от выпитого на голодный желудок.

– А что тогда? – Алекс ныряет взглядом в распахнувшийся на моей груди халат. – Поливаешься «мартини» вместо духов перед свиданием? Считаю, я оценил. Одевайся.

– Алекс, я никуда не поеду. У меня дети. Да и на работу завтра первый день...

– Так и у меня дети. Печатный станок для денег сломался, так что тоже с утра дела.

– Мы просто посидим в ресторане, и ты привезёшь меня домой? – Мысленно повторяю: «Икота, икота, перейди на Федота».

– Вроде ничего другого пока не предлагал, – Алекс поднимается с пола и отряхивает пальто.

– Ты привезёшь меня домой? – уточняю я.

– Привезу тебя домой в здравом уме и твёрдой памяти, клянусь! – на губах Алекса играет озорная улыбка. – Это только женщин до тридцати нужно поить до беспамятства, чтобы ночь удалась. А с девочками постарше всё с точностью до наоборот.

Выползаю на четвереньках из укрытия. Алекс подхватывает меня как пушинку, усаживает на стол.

– Зачем я тогда тебе? – хнычу, всё ещё надеясь на чудо.
– Мне скоро тридцать пять. А вот богатые мужики в любом возрасте нарасхват. Только свистни. И набежит толпа страждущих и алчущих.

– Я тебе сейчас так свистну, – Алекс стягивает с моих плеч халат вместе с лямками сорочки и подтягивает за бёдра так, что я впечатываюсь в его стояк. – Как ты не понимаешь? Мне не нужна толпа. Ты моя жена. И я буду брать тебя как захочу и когда захочу. Так, как ты, никто и никогда меня в постели не ублажит.

Он возбуждённо хрипит мне в рот и настойчиво протискивается в него языком. Целует меня долго и ненасытно. Точно ядом жалит, растворяя мою волю. Вроде похудел, но это лишь видимость. Он всё та же гора мышц и облако тестостерона. Моего бывшего мужа явно хорошо «грели» с воли. Не одними моими передачками жил.

– Зачем тебе работать, Геля? Тебе достаточно быть нежной и мокрой, покорной и услужливой, – Алекс сдёргивает меня со стола и через мгновение я лежу, уткнувшись в него носом. Алекс одной рукой удерживает меня между лопаток, а второй задирает подол халата и забирается под сорочку. Властно поглаживает моё лоно и раскрывает его. – А кто это не побрил сладкую девочку к свиданию? Непорядок. Ноги шире! Шире я сказал!

Шлепок по попе. Ещё один. И вновь длинные пальцы вонзаются в мою плоть, выныривают и разминают её:

– Ты моя, Геля. Я пришёл, чтобы напомнить об этом, – Алекс резко дёргает за чувствительный бугорок. Тело, истосковавшееся по мужской ласке, пробивает ток.

– Лёша, – задыхаюсь, сотрясаясь в конвульсиях.

– Вот я уже и снова «Лёша», – он склоняется надо мной и продолжает нещадно орудовать у меня между ног. – Хочешь, чтобы я вошёл в тебя?

– Нет, – хватаюсь за край стола, чёткие движения пальцев Алекса сводят меня с ума. – Нет! Только не останавливайся!

Ненавижу себя за сорвавшиеся с языка слова.

– Как скажешь, – тихо смеётся он, подключая ещё один палец, – но могу предложить кое-что получше.

Уже не соображаю, что он говорит. Тишину наполняет бесстыжее хлюпанье. Слезы текут по моим щекам. Уговариваю себя, что всё это просто физиология. Жила все эти годы, как монашка, и вот результат. По телу снова прокатывается волна наслаждения.

– Твою ж мать! – Алекс вытаскивает из меня пальцы и входит одним толчком. – А, сука, как там у тебя всё узко. Сохранила себя.

Он сжимает мои соски, долбит, выколачивая из меня благие намерения и чистые помыслы. Выгибаюсь, растворяясь в его желаниях. Алекс наносит последние удары и замирает. Его член пульсирует во мне. Семя вперемешку с моими соками, течёт по ногам. Выпрямляюсь, прижимаясь спиной к груди бывшего, но такого родного мужа. Алекс тяжело ды-

шит и впиивается в мою шею. Клеймит меня засосом.

Разворачиваюсь и натываюсь на изучающий взгляд синих глаз. Замахиваюсь, чтобы влестить запоздалую пощёчину. Алекс перехватывает мою руку и целует её:

– Спасибо тебе за сыновей! Теперь хочу девочку.

– Кстати о детях! Мне нужно в ванную, – отодвигаю Алекса и достаю из шкафа полотенце.

– Не надо, – он отбирает его у меня и вытирает член, потом мои ноги. – Хочу, чтобы ты пахла мной. Всегда. Хочешь, не пойдём нкуда?

Алекс плюхается на тахту, и она жалостно скрипит под его задом.

– М-да, – вздыхает он. – Весь дом перебудим. Завтра кровать сюда нормальную куплю.

Единственная возможность выставить Алекса из дома, отправиться с ним в ресторан.

– Нет уж, давай посидим, где ты там хотел.

До прихода Алекса, у меня была мысль одетаться поплоше, если всё-таки придётся с ним пойти. Но после пол-литра «мартини» и множественного оргазма достаю из шкафа чёрную водолазку с пикантным вырезом над грудью, кожаные штаны и коробку с новыми ботфортами на высоких каблуках. Купила их, в память о Кэнди. Так и не нашла случая обновить.

– Отвернись! – кидаю через плечо.

– Угу. Сейчас! Только музыку включу, – он вытягивается

на тахте и тыкает пальцем в магнитофон на тумбочке.

За первыми аккордами звучат слова моей любимой песни группы «Авария»: «Все мелодии спеты, стихи все написаны. Жаль, что мы не умеем обмениваться мыслями...»⁴ Повернувшись спиной к Алексу, переодеваюсь.

– Давно за двенадцать, а ты ещё в гостях, ты думаешь остаться так останься просто так, – подпевает Алекс.

Застёгиваю молнию на сапогах и выпрямляюсь.

– Очуметь! – цокает языком Алекс. – Носик припудри и погнажи.

Выходим на веранду, и мне стыдно даже взглянуть на Фати. Она, отложив вязание, поднимается из-за стола. Зато Алекс уже чувствует себя как дома. Заглядывает в холодильник:

– Что-то пустенько у тебя.

– Ничего не пустенько, – ещё больше смущаюсь, видя, как Фати прячет довольную улыбку. – В морозилке есть фарш, вот молоко и яйца, внизу – овощи. На сковородке котлеты ещё ...

Алекс закрывает холодильник и поднимает крышку сковородки. Мальчишки уже слопали все котлеты. Алекс вздыхает и выуживает из кармана кошелёк. Достает две тысячные и протягивает Фати:

– Сгоняй завтра на рынок, купи мяса нормального, сыра, колбасы. Пацанам, что там они любят. И приготовь мои лю-

⁴ «Если хочешь остаться» – Песня группы «Авария», 2005г.

бимые рулетики баклажановые.

– Слушаюсь, Алексей Дмитриевич, – Фати покорно берёт деньги у барина.

– А ты чего тут раскомандовался? – встаю перед Алексом руки в боки.

Он притягивает меня к себе и целует в макушку.

– Да, и мартини приberi из комнаты нашей мадам. Мы уехали. Пригляди за ребятами.

Алексей уводит меня в прихожую и подаёт пальто.

– Надо сюда ещё вешалку нормальную, – напоминает он себе.

– Я закрою за вами, – Фати уже превратилась из моей подруги в служанку Алекса, – хорошо вам погулять.

Выходим из дома, окунаясь в сырой осенний вечер.

– Куда поедем? – забираюсь в высокий джип. Идеальная чистота и запах машины, только-только выехавшей из салона.

– У залива приличную харчевню видел, – Алекс заводит мотор, включает передачу, и внедорожник трогается. – Поехали шашлыков пожрём, за жизнь побазарим. Глеб наш порадовал сегодня. Мой характер у пацана.

Улыбка сползает с моих губ. Услышав сегодня, как сын разговаривает с Алексом, я и сама прибалдела. Те же интонации и высокомерие. Ещё один король мира растёт.

– А Борис не порадовал?

– Борис в тебя больше. Но я займусь им, и выровняется.

Мы снова, медленно но верно, превращаемся в пару. Давно сыгранную во всех отношениях. Размышляю, как бы вернуть разговор в неудобную для Алекса сторону?

– Приехали, Манюнь.

Алекс помогает мне выйти. Пронизывающий ветер с залива тут же пробирается под пальто. Ресторан с панорамными окнами манит уютной подсветкой и негромкой музыкой. Места все заняты, но Алекс забронировал столик. Оставляем пальто в гардеробе, и администратор проводит нас к столику с видом на залив. Кивком подзывает официанта.

– Сто лет нигде не была, – усаживаюсь в мягкое кресло.

– Такая же ерунда, – улыбается Алекс, располагаясь напротив.

Молоденький официант кладёт перед ним меню и зажигает красные свечи на столе:

– Что-то сразу принести для вас?

– Мне сок томатный. Геля, тебе кофейку или что покрепче?

– Покрепче.

– Сто пятьдесят водки и мясную тарелку, – заказывает Алекс, не открывая меню. – А на горячее оформи сразу два шашлыка из баранины.

— Официант делает пометки, повторяет заказ и смывается в сторону бара.

– Не настолько крепче, – теряюсь я.

– На лёгких напитках быстрее улетишь. А правило трёх

рюмок ещё никого не подводило, — Алекс подвигает мне меню. — Посмотри, может, ещё что глянется.

— Лёш, давай честно? — откидываюсь я в кресле.

— Давай, — Алекс склоняет голову набок, и мне становится не по себе от его взгляда.

— Я приехала из Германии, чтобы найти Артура.

— Успешно?

— Нашла пока только его отца. Всё лето моталась в город, а потом Фати случайно увидела Виктора в магазине у станции «Зеленогорск». Она, как и я, видела его всего один раз, но запомнила.

— Я счастлив. Дальше что?

— Фати проследила за Виктором и дала мне адрес. Я купила на все деньги, что у меня оставались, дом на соседней с Правдиными улице. Две цены дала, чтобы старичков-профессоров уболтать.

Официант приносит сок, водку и закуску. Алекс мрачнеет на глазах:

— Я сам, — прогоняет официанта, наливает мне водки и берётся за сок. — Вздогнули.

Чокаемся и я осушаю рюмку залпом:

— Ох, ядрёная!

Алекс уже держит наготове кусочек бастурмы на вилке.

— Закуси, — скармливает мне его и накалывает ещё. — Открывай рот.

Позволяю себя накормить и устремляю задумчивый

взгляд на залив. Лунная дорожка серебристой змейкой уходит вдаль.

– А чего в Сестрорецке-то не осела? Там хоть дом на дом похож.

– Это твой дом Алекс. Как я могу жить в доме одного мужчины и искать другого?

– Я твой муж.

– Мы в разводе, на минуточку.

– Да, хорошо, что успели развестись перед засидкой, и всё удалось сохранить.

– Так ты только из-за этого согласился на развод? – Щёки горят от выпитого. – Знал, что сядешь и согласился?

– Как знал... Чуйка была, что приплыву скоро. После знакомства с Виктором, кстати, ощутил пристальное внимание к своей персоне. Хотя ещё до знакомства с ним решил переписать всё на тебя.

– А если бы я пустила твоё имущество по ветру?

– Лучше ты, чем менты да прокуроры. Здесь ведь вот какая вещь: работагу уволят, он что сделает?

– Пойдёт найдёт такую же работу, – пожимаю плечами.

– Ключевое слово «такую же», в корень зришь. Так вот, дело в мышлении. Человек, способный зарабатывать миллионы, будет зарабатывать миллионы.

– Воровка никогда не станет прачкой, – вспоминаю песню, которую совсем недавно напевала.

– Да.

– Пойдёшь снова убивать и грабить?

– Девяностые прошли, Манюня. Сейчас есть новые схемы.

Голодными с тобой не останемся.

– Ключевые слова: «с тобой», – передразниваю Алекса.

После первой рюмки прихожу в себя и становлюсь смелее.

Алекс наливает мне вторую:

– Купить дом и ждать неизвестно чего. Звучит как план.

Провальный, но тем не менее. Вздрогнули!

Выпиваю и снова ем из рук Алекса.

– Мы ушли от темы, – напоминаю ему.

– Да, прости! И что там господин Правдин? Выгнал тебя в шею?

Кровь ударяет в голову, кончики ушей сейчас превратятся в пепел и отвалятся.

– Алекс!

– Что «Алекс»? Мой братец даже не удосужился встретиться с тобой лично. Думаешь, его папаша не рассказал Артуру в красках, как мы живём? Это для меня ты любимая женщина, а в понимании Виктора – бандитская подстилка и ничего более.

Мне нечем крыть. Я всё себе придумала.

– Ещё не ходила к нему, боюсь... Боюсь, что ты прав.

– Ну и в рот ему потные ноги, малыш! Заживём с тобой, как в сказке! – Алекс подливает мне водки. – Выпей и успокойся.

Послушно опрокидываю рюмку и открываю рот. Алекс

улыбается и кладёт мне на язык кусочек ветчины. Голова кружится, и говорить о Правдиных больше не хочется. На сцене девчонки выделяются под «стрип».

– Неуклюжие коровы. – Настроение хуже некуда.

– Точно, – кивает Алекс и, хитро улыбнувшись, спрашивает: – Подруга твоя, Юля, как поживает?

Во мне неожиданно вспыхивает ревность:

– А чего ты вдруг её вспомнил?

– Танцевала она классно. Ничего не могу сказать. Курнул тогда и снесло башню от её выкрутасов. На такие танцы у мёртвого встанет.

– А я не хуже танцую, – с вызовом смотрю на Алекса.

– Да ладно! – оживляется он и кивает в сторону сцены. – Покажи этим малолеткам класс.

– Легко!

– Сейчас договорюсь. Пойдём.

Сама не знаю как, но спустя пару минут оказываюсь на сцене. Софиты слепят, напоминая о моих выступлениях на театральных подмостках. Растворяюсь в музыке и, ещё не доходя до пилона, срываю аплодисменты растяжкой и пируэтными. Запрыгиваю на пилон. Какая это обалденная вещь! Алекс стоит у самой сцены, его глаза блестят. В водолажке жарко, и я сдёргиваю её. Толпа восторженно вопит, Но я танцую лишь для Алекса, впервые в жизни приревновав его к другой женщине. Музыка заканчивается. Подхватив водолазку, спрыгиваю в его объятия.

– Вот это адреналин! – целую Алекса в щёку, смущаясь устремлённых на меня голодных взглядов раскрасневшихся, точно в бане, мужиков.

– Ты обалденно танцуешь! – Алекс помогает мне одеться.
– Народ просто слюнями изошёл.

Мы возвращаемся на место. Официант приносит горячее и ещё графин водки:

– Управляющий просил передать, что это всё за счёт заведения.

– Мило, – Алекс, подмигивает мне. – Но передай хозяину, что я ещё в состоянии заплатить за ужин. Это был просто мастер-класс для ваших пигалиц.

Официант уходит, а я обмахиваюсь льняной салфеткой, приходя в себя. Алекс с аппетитом впивается в сочную мякоть баранины и стонет:

– Это божественно! Ты только попробуй!

Отрезаю кусочек и отправляю в рот:

– О! Прямо тает, – киваю я.

– Может, ещё водочки? Раз уж принесли? – Алекс макает лаваш в густой соус и с блаженным видом откусывает кусок.
– Нужно было на такси ехать.

– А как же правило трёх рюмок? – усмехаюсь, строя бывшему мужу глазки.

– У тебя же есть я. Сказал – доставлю домой, значит, доставлю.

– А если женщина за тридцать разбуянится?

– Сегодня тебе можно всё!

– Редкий случай, – ехидно замечаю, наворачивая с аппетитом шашлык.

Алекс наливает водки, и пододвигает мне рюмку. За разговорами мы уминаем ещё по порции. Помню, как Алекс выходит в туалет, а я, ощущая лёгкую тошноту, на улицу. Тупая боль в затылке, и чья-то ладонь зажимает мне рот. Проваливаюсь в темноту.

Глава 8

Артур

Внедорожник братца, не уступив дорогу, пролетел перед самым носом. Пунктуальный гад. Алекс с завидным постоянством встаёт на моём пути. Хоть и не специально. Рванул следом по инерции. Если Геля согласилась на свидание, то мне остаётся лишь отойти в сторону. Не замечал за собой страсти к мазохизму, но всё же решил понаблюдать за голубками ещё один вечер. Издержки профессии. Во мне вмиг пробудился разведчик. Лишь бы не проснулся снайпер.

Не один я слежу за ними. По дороге в ресторан позволяю обогнать себя невзрачной серой «десятке». Явно не контора, но и не бандиты. Советский автопром не для них. Скорее, наёмные детективы или менты. Неужели Алекс уже успел наворотить дел? Или за старое не всё отсидел? Оставляю машину за рестораном. Преследователи встают на парковку. Сквозь толщу оконного стекла наблюдаем, как Алекс кормит Гелю с рук и отпаивает белянкой. Конечно, «встреча века» нам всем троим ударила по нервам. Но Алекс понастырнее меня. Прослушку я, психанув, оставил во дворе Гели. Сейчас бы очень пригодилась. Почему я тогда повёлся на уговоры отца? Поверил ему. Он всегда был для меня больше, чем друг. Но в делах любви разбираться нужно самому. Я не дал Геле выбора, не выяснил, что к чему до конца. Пусть бы аре-

стовали меня за тех ублюдков. Уже отсидел бы да вышел. И кормил бы сейчас Гелю я, а не этот урка! При первой встрече он меня едва не пристрелил, когда я вписался за сероглазую незнакомку. И за два дня Геля превратилась для меня в самого родного человека. Перед иконой друг другу клялись. А я предал её. Бросил беременную, не разобравшись до конца...

Мне не даёт покоя слезка за Алексом. Могут ведь и Гелю впутать. Пора раскрыть карты перед братом и... Язык не поворачивается назвать «моей» женщину, чьё тело тоскует не по мне.

Чтобы не засветиться перед соглядатаями, пробираюсь в ресторан через единственное открытое окно.

– Какой красавчик! Анжел, ты глянь, – кивает на меня брюнетка в леопардовых леггинсах. Светловолосая Анжела с губами неоновро-розового цвета быстро захлопывает складное зеркальце и вытирает нос.

– Девчонки, не спалите! – улыбаюсь до ушей. – Хочу по-друге сюрприз сделать.

– Судя по всему, неприятный, – усмехается Анжела и при-пускает топик на роскошной груди. – Смотри какие близняшки. Приходи потом поплакаться. Мы пока одни кукуем.

– На коктейль вам, авансом! – Достая кошелёк и подки-дываю местным бабочкам на выпивку. У этих дам можно лю-бую информацию получить, если по любви.

– Вау, круто! Наш столик третий от сцены, если что!

Шлю воздушный поцелуй и выхожу в зал. Столик Алекса и Гели пуст. Сердце выбивает чечётку. Неужели ушли? И тут челюсть моя едет вниз. Геля танцует на сцене. Ботфорты... Мы с моей мышкой сидели в ресторане, когда впервые увидели Кэнди. Горько усмехаюсь. Мне ещё тогда показалось, что Геля на неё запала. Так рьяно бросилась её защищать передо мной. А потом эти две кумушки сошлись. Эх, но в ту пору моя девочка носила скромные одежды и в белой пачке танцевала под Цоя для меня на озере. Сейчас она превратилась в Кэнди или косит под неё. Холодными тощими змеями по спине ползёт пот. Вспоминаю, как пять лет назад помогал своему корешу из Англии спасти Кэнди. Её подстрелили в клубе как раз после таких разудалых танцев. Быстро пробираюсь к сцене, оценивая каждого сидящего в зале. Благо здесь всего двадцать столиков у сцены и пять у окна. Но кроме похоти, никаких других эмоций не замечаю на лицах разгорячённых мужиков. Слежка ждёт на улице.

Предпочитаю оставаться незаметным. Выходка Гели меня озадачила. Днём я её видел совсем другой. Несчастная мамочка с двумя сыновьями. Она ласкала своё прекрасное тело, и я восхищался тем, что она предпочитает одиночество. По-прежнему ждёт своего принца. Может, даже меня. Сейчас передо мной незнакомая женщина. Её взгляд устремлён на моего горе-брата. Она хочет его. И вообще: пьяная баба себе не хозяйка. Лишь осознание былых ошибок заставляет меня досмотреть спектакль.

Иду к столику Анжелы и Леопардихи.

– Можно у вас приземлиться ненадолго? – целую ручки с наманикюренными коготочками.

– Рыбу нам только не распугай! – хищно улыбается Леопардиха, наматывая на палец длинную позолоченную цепуру, свисающую ниже груди.

– Если что, в обиде не останетесь, – балагурю я, поглядывая в сторону сцены.

– И мы тебя не обидим, – Анжела растягивает щёку языком.

Геля спрыгивает в объятия Алекса. Разгорячённая, глаза сияют. Он помогает ей одеться, целует, ласкает... Твою ж мать! Что я здесь до сих пор делаю? Мои случайные подружки закуривают, и я морщусь от дыма. Сидение сутками в засаде с винтовкой отучило меня от этой вредной привычки. Мне теперь не по нутру аромат даже самого дорогого табака. Официант приносит Геле и Алексу горячее. Заказываю девочкам ещё по коктейлю. Но вот Алекс встаёт из-за стола и идёт к выходу. Немного подождав, Геля нетвёрдой походкой идёт следом.

– Я скоро, мои птички! – бегу к выходу.

Алекса с Гелей в холле нет.

– Вы почему в верхней одежде в зале? – преграждает мне путь управляющий.

Отпихнув его, вылетаю на улицу. Алекса нигде нет. Возле серой десятки непонятное движение. Раскладываю у маши-

ны двух мужиков лет сорока. Они даже не поняли в чём дело. Выдёргиваю Гелю из машины и, перекинув безвольное тело через плечо, скрываюсь за рестораном. Укладываю Гелю на заднее сиденье, прыгаю за руль и выезжаю из-за угла. Алекс трясёт мужиков возле десятки.

Но меня это уже не волнует. Похитителям, как оказалось, нужна была Геля. Будь это братки, вопросов бы не возникло. Обуть коллегу по цеху через его бабу – милое дело. Геля не Кэнди, и конторе явно не сдалась. Отец бы рассказал. Отец! А не его ли это рук дело? Он знал, что Геля обосновалась в Зеленогорске. Неужели таким способом решил в очередной раз отвадить её от нашей семьи? После случая с Кэнди ничему не удивлюсь. Нет, отец не способен на такую подлость. Впрочем... Доверяй, но проверяй.

Пока не разберусь что к чему, заляжем с Гелей на дно. Слабый стон за спиной возвращает меня к действительности. А как быть с детьми? Фати поднимет крик, а чертова болонка лай, если я сейчас приеду за пацанами. Мне нужен один день! Один грёбаный день. Геля придёт в себя, и мы во всём разберёмся. Но сейчас Геле домой нельзя. Алекс первым делом будет искать её там. С ним я разберусь позже.

Глава 9

Геля

– Алекс, ты дикарь! – потираю ушибленный затылок и поворачиваюсь на другой бок. В жизни столько не пила! Во рту пустыня после вчерашнего, голова, как не моя. И комната не моя. И в доме Алекса таких не припомню. С удивлением рассматриваю бугристые мышцы смуглой мужской спины. Я знаю каждую родинку Алекса и, думаю, он загорал последний раз лет десять назад. Леденею от страха. Незнакомец лежит поверх одеяла в синих спортивных штанах, и мой возглас явно разбудил его. Круглые пластиковые часы на стене с выцветшими обоями показывают девять утра, за окном виднеется многоэтажка. Двухспальная кровать скрипит под нами при каждом движении. Напротив неё – полированная стенка. На её полках теснятся книги, за стеклом стоит вразнобой посуда, на экране телевизора слой пыли. Детки мои! Похоже, влипла ваша мама. От меня пахнет мужским одеколоном. На мне чёрная футболка не по размеру. Моих вещей в комнате не видно.

Набираюсь решимости и касаюсь плеча незнакомца. Он медленно поворачивается ко мне, и взгляд карих глаз прожигает меня насквозь. Зажмуриваюсь. Это не может быть правдой. Допилась вчера до галлюцинаций. Открываю глаза.

– Ты? – протягиваю руку, касаясь дрожащими пальцами

колючей щеки.

Артур смотрит на меня не мигая. Впервые в жизни жалею, что передо мной не Алекс. Потому что стыдно до ужаса. С бывшим мужем у нас было в жизни всё, и мы давно не стесняемся друг друга. А сейчас передо мной лежит мужчина, которого я считаю отцом своих сыновей. Любовь к нему помогла мне пережить все невзгоды. Но больше всего мне хочется сейчас раствориться в воздухе.

– Мне... Мне нужно домой... – бормочу я. – Господи... Артур... Нет!

Поворачиваюсь на другой бок и утыкаюсь взглядом в плакат на двери. Том Круз смотрит на меня с такой же укоризной. Последний самурай⁵, блин.

Кровать скрипит за спиной, Артур молча выходит из комнаты и возвращается с телефоном. Кидает его рядом со мной.

– Позвони домой, скажи, что с тобой всё в порядке, – Артур садится на постель и, не скрывая интереса, следит за каждым моим движением.

– А со мной всё в порядке? – уточняю я.

– Ты у меня спрашиваешь? – улыбается Артур уголком рта.

В груди теплеет от его улыбки.

– Да, – сажусь на постели, но тут же валюсь обратно на подушку.

⁵ «Последний самурай» – фильм 2003 года с Томом Крузом в главной роли.

– Женский алкоголизм не лечится, Мышонок.

– Я похожа на алкоголичку? – кровь точно кипятком обливает мои щёки. – У тебя есть что-нибудь от головы?

– Целый арсенал, – Артур приносит мне таблетку и стакан воды. – Твой парень места себе, наверное, не находит. Я уже не говорю про детей.

– У меня нет парня, – жадными глотками осушаю стакан.

– И детей нет?

– Дети есть.

– Звони давай. Скажи, что задержишься, – Артур вновь садится возле меня. – Разговор у меня к тебе.

Набираю номер Фати. Комкаю в руке пододеяльник. Мне хочется вновь прикоснуться к Артуру. Убедиться, что всё это не сон. Незаметно щипаю себя за мочку.

– Алё? – хватает трубку Фати.

– Это я, привет! Со мной всё в порядке.

– Геля, я убью тебя! Где ты? Алекс, она нашлась.

Я сбрасываю звонок и испуганно смотрю на Артура.

– Мой номер не определился, не переживай, – он убирает телефон в карман штанов. – До душа доползёшь или снова помогать?

Смутно припоминаю ночные плескания под холодной водой. Мне казалось, что я в тот момент ругалась с Алексом.

– Романтичная у нас вышла встреча, – выбираюсь из-под одеяла, встаю. Голова кружится, как после аттракциона-центрифуги «Сюрприз». – Представляю, что я тебе вчера наго-

ворила. Блин. Надо же так влипнуть.

Плюхаюсь на кровать, утыкаясь лицом в ладони.

– Ты снова в беде? – Артур садится рядом и толкает меня плечом.

– Алекс меня убьёт, – цежу сквозь зубы.

– И ты снова с ним? – мышцы на плече Артура мгновенно превращаются в камень.

– Артур, нам действительно нужно поговорить. В двух словах всего не расскажешь...

– Ты снова с ним? – повторяет вопрос Артур.

– Нет, – не нахожу других слов.

– Поставлю чайник.

Артур поднимается, а я цепляюсь за его руку. В ладонь перетекает тепло из ладони Артура. Оба замираем, не глядя друг на друга.

– Где мы? – тихо спрашиваю.

– А это имеет значение?

– Нет.

Артур сжимает мою руку сильнее.

– Жду тебя на кухне.

Плетусь следом, как заговорённая. Хочется прижаться к нему, но не решаюсь. Артур резко оборачивается, и я налетаю на него. Обхватываю руками его талию, лну щекой к крепкой груди, покрытой редким чёрным волосом. Слова застревают в горле. Артур молча обнимает меня. Поднимаю на него глаза. По небритым щекам бегут слёзы.

– Прости, – Артур вытирает лицо тыльной стороной ладони. – Это всё из-за контузии. Повышенная эмоциональность.

Он быстро выходит. Слышу бряцание посуды на кухне, следом звук разбившегося стекла. И мне, и Артуру нужно хотя бы пять минут побыть наедине с собой. В коридоре нахожу дверь в ванную по овальной медной табличке. На ней девочка моется под душем и улыбается мне. Вхожу и с ужасом рассматриваю в зеркале своё бледное осунувшееся лицо. Моя аккуратно сложенная одежда лежит на стиральной машине. Неужели Артур вчера и правда искупал меня? Включаю воду и, стянув с себя футболку, влезаю под тёплые струи. Вместо мыслей о грядущем разговоре, тревожусь о детях и Алексе. С одной стороны, хорошо, что я позвонила. С другой, за брошенную трубку, мне прилетит. Неожиданное появление Артура до сих пор кажется фантастикой. Как будто я попала в параллельный мир. Перенеслась в прошлое. Выдавливаю на ладонь лавандовый гель. Вдыхаю его аромат. Читала про успокаивающий эффект нежных лиловых цветов, но мне не вернёт покой даже ведро валерианки. Подсознательно жду, что Артур зайдёт в ванную. Алекс бы давно уже ввалился. Какие же они разные. Смываю с тела белоснежную пену.

Деликатный стук в дверь, и я быстро выключаю воду. Соображаю – прикрыться полотенцем или шторкой?

– Чай готов. – Шаги удаляются.

Выбираюсь из ванной, стягиваю свои трусы с батареи и, не раздумывая, снова влезаю в футболку Артура. На кухне

скворчат гренки. Цепляю ногами огромные шлёпанцы и спешу на запах.

– Прости, мне так неловко... Ты стирал моё бельё, – замираю в дверном проёме, любуясь как Артур у плиты ловко управляется со сковородой.

– Я? – смеётся он, оглянувшись. – Ты сама вчера устроила постирушку. Но джинсы и водолазку я всё-таки отстоял.

Сажусь на стул, наблюдая, как Артур подхватывает лопаткой и укладывает на тарелку яичницу. Ставит её передо мной. Обнимаю Артура, и утыкаюсь лбом ему в живот. Широкая ладонь Артура медленно проходится по моей голове.

– Прости, – шепчу я.

Глава 10

Артур

– Мне не за что тебя прощать. – Не смогу снова отпустить от себя эту женщину. Её слёзы обжигают мой живот, а мне хочется упасть перед ней на колени. – Борис и Глеб...

Всхлипы стихают.

– Откуда ты знаешь про них? – серые глаза Гели округляются.

– Я новый тренер Глеба, – вытираю пальцами слёзы с Гелиных щёк, – увидел свой жетон на его груди и остолбенел. Глеб рассказал мне про брата. Почему ты так назвала их?

– В честь первых русских святых.

– Это я понял. Но почему?

Кладу вторую яичницу себе и сажусь на табурет возле Гели.

– Чтобы они никогда не причинили друг другу зла!.. Братья должны жить в мире.

Понимаю к чему клонит Геля, но не хочу спалиться перед ней. Тогда придётся рассказать и про свою слежку.

– Ты знаешь, что Алекс твой брат? – Геля вертит в руках вилку.

– Вчера узнал, – уклончиво отвечаю я. – Ешь давай, остывает.

– Не могу. Просто попью. И попробую съесть пару гренок.

Геля наливает себе чай и подцепляет кружочек лимона. Переваливаю её яичницу на свою тарелку и кладу сало на хлеб. У меня, в отличие от Гели, с аппетитом полный порядок.

– Голову-то отпустило?

– Да, – Геля размешивает сахар и задумчиво смотрит в окно. – Неужели твой отец ничего тебе не рассказал?

– Что конкретно?

Мы случайно соприкасаемся с Гелей коленями, и по телу пробегает ток.

– Что я просила его о встрече с тобой.

Слова Гели взрываются в моём сознании, точно граната в мирном доме.

– Нет, – стараюсь сохранять спокойствие, – а когда ты говорила с ним?

– После того... Как ты убил друзей Алекса. Виктор, не знаю отчества, приехал к нам домой.

– К вам?

– Не цепляйся к словам. Алекс не отпускал меня дальше двора.

Знал, что разговор будет непростым, но мысль, что Геля до сих пор тоскует по Алексу, словно игла колет в нерв. Беру себя в руки.

– Прости. Вернёмся к моему отцу.

Геля отпивает чаю из кружки.

– Я улучила момент, когда Алекса не было рядом. Ска-

зала Виктору, что мне очень нужно поговорить с тобой. А он ответил, что его сыну чужие женщины не нужны. Вместе с Виктором приехал отец Алекса. В тот вечер меня сторговали, как щенка. Виктор поклялся, что ты оставишь нас с Алексом в покое, а, в свою очередь, Алекс не будет мстить за друзей. Я пообещала Алексу смириться со своим положением и выйти за него замуж... О чём мы говорим, Артур? Я всё время ждала тебя! И когда сидела на цепи, и когда жила в подвале. Даже когда от меня отбрехался твой отец! Мне казалось, что ты обязательно придёшь. Я не знала, что ты писал мне... – снова всхлипывает Геля. – Нашла твои письма перед самыми родами. Нашла телефон Кэнди. Она помогла бежать, увезла в деревню. Я родила сыновей в доме её тётки. Родила и поклялась, что они никогда не пойдут друг против друга. А где был ты?

– Я был в Чечне, Геля. Моя командировка растянулась на четыре месяца. Первое января я встречал в Грозном. На крыше одной из высоток. По приезде искал тебя, а нашёл только этих ублюдков возле твоего дома.

– Ты такой грех на душу взял, – Геля качает головой. – Может, потому Бог нас с тобой и наказал.

– Парни не оставили мне выбора. И, поверь, я ни разу не пожалел о содеянном. Я много убивал в этой жизни, но никогда не насиловал. На войне посмотрелся вдоволь. Одичавшее зверьё сплошь и рядом насилует женщин и детей. Зло должно быть наказано, – ударяю кулаком по столу.

Геля вздрагивает, и я сбавляю обороты.

– Ладно, мышка. Что было, то прошло. На самом деле, если бы ты тогда послушалась меня и уехала к моей тётке в Москву, всё бы обошлось.

– Я познакомилась с Кэнди! – лицо Гели светлеет. – Знаешь, она такая классная.

– Знаю, – тоже не могу сдержать улыбки. – Довелось снова встретиться с ней лет пять назад. Заарканила моего приятеля из Англии, навела здесь шороху и свалила.

– Кэнди в Англии? У тебя есть номер её телефона? – Геля хватается меня за руку.

– С этой леди мы не настолько близки. Есть телефон её мужа. Но давай для начала разберёмся с нашими делами. У тебя руки холодные.

– Я бы вообще прилегла, – щёки Гели заливаются румянцем.

– Понимаю, – хочется прикоснуться к ней, но встаю и убираю посуду в раковину. Киваю Геле: – Идём.

В комнате она сворачивается клубочком на постели. Накрываю краем одеяла стройные ноги Гели и сажусь рядом. Её близость волнует. Пересаживаюсь в кресло напротив. Молчание затягивается, и Геля засыпает. За детей не переживаю. Алекс считает их своими, и с ними Фатима. Проблемы начнутся, когда я приеду за ними. Фатима, как я понимаю, на стороне Алекса. Интересно, записала пацанов Геля на него или нет? Они ведь были женаты. Хотя она сказала ему, что

они мои сыновья. В любом случае, Алексу, с его-то биографией, не удастся отсудить детей. Мысли кружат вокруг нашего с Гелей будущего. Прошрое я отпустил. Сможет ли она поступить так же? Ложусь рядом с Гелей и в очередной раз пялюсь на неё, как Голлум⁶ на кольцо всевластья. Моя прелесть. Под тонкой фарфоровой кожей на шее голубая вена. Веду по ней пальцем, едва касаясь. Геля вздрагивает во сне.

– Спи, мышонок мой сладкий, – шепчу и таю от нежности, когда Геля поворачивается ко мне. Просовываю руку ей под голову. Готов пролежать так вечность. Мне больше некуда спешить. Геля устраивается у меня на плече. Дотягиваюсь до тумбочки и беру пульт. По телевизору идёт «Бригада»⁷, с кислой миной наблюдаю как на экране один бандит толкает оружие другим бандитам. И всё это с ведома органов. Охрененно высокоидейный фильм. Но девочкам и мальчикам, наверное, нравится. Геля просыпается под музыку в начале новой серии, отбирает у меня пульт и переключает канал. По другой программе диктор рассказывает о погоде на Дальнем Востоке.

– Поспала немного? – улыбаюсь, когда Геля снова укладывается мне на плечо.

– Да, отпустило вроде, – она гладит меня по груди, и я готов замурлыкать от удовольствия.

– У тебя всё такие же нежные лапки, мыша моя.

⁶ Голлум – персонаж из книг Джона Р.Р. Толкина

⁷ Бригада – российский сериал, 2002г

Геля выбирается из-под одеяла и садится на меня верхом.
Хоть руки себе отгрызай, так хочется коснуться её тела:

– Ты чего удумала? – облизываю вмиг пересохшие губы.

– Я вернулась, чтобы найти тебя, – шепчет она.

– И часто ты искала меня в таких злочных местах, как этот ресторан? – подбрасываю Гелю на бёдрах.

– Сейчас укушу тебя. – Она наклоняется надо мной, и ведёт ладонью по моей щеке. – Ёжик мой колючий.

– Что вчера было такое?

– Солнечное затмение, – Геля вздыхает и слезает с меня.

– Прости, мне показалось...

Через секунду она лежит распятая подо мной.

– Что тебе показалось? – едва сдерживаюсь. Хочу её до изнеможения.

– Что мы снова вместе... – её губы трясутся.

– Ты и я?

– Да, – ударяет она меня кулаками в грудь.

– Тебе не показалось!

Глава 11

Геля

Артур садится, сдёргивает с меня трусы и снова вытягивается сверху. Мне приятна его тяжесть. Он входит в меня без прелюдий. Удерживая вес на локтях, вколачивается с остервенением. Карие глаза помутнели, зрачки расширились. Взгляд пробирает до дрожи. Мне кажется, Артур сейчас себя не контролирует. Он превратился в дикого хищника. Кровать скрипит под нами, будто молит о пощаде. Вот тебе и монашка. Блюла себя столько лет, а тут второй день подряд мужчины пользуют меня, как шлюху. Два брата-акробата. А других в моей жизни и не было. Артур засаживает на полную глубину и изливается в меня. Закрываю глаза. История повторяется. Если я забеременею, то снова неизвестно от кого из них.

– Ге-ля! – зовёт Артур. – Открой глазки.

Смотрю на него и не могу сдержать улыбки. Куда девался хищник, только что пугавший меня? Сейчас Артур напоминает Глеба – Такой же взгляд, когда нашкодит.

– Хоть бы поцеловал для начала. Слово ласковое сказал, – голос мой дрожит.

– Люблю тебя, – Артур смущённо тыкается в меня губами и валится на спину. – Хорошо-то как! Иди сюда.

– Подожди.

Ухожу в ванную. В голове кавардак, по ногам стекает тёплое семя. Включаю воду и наскоро привожу себя в порядок. Артур входит без стука и, подхватив меня, как куклу, усаживает на стиральную машину. Пытаюсь обнять его, но он стягивает с меня футболку и снова входит, не сказав ни слова. Упираюсь ладонями в стиралку и принимаю его, чуть откинувшись назад. Артур пожирает взглядом моё тело, будто у него тоже все эти годы никого не было. Меня заводит его первозданная страсть, и я подаюсь Артуру навстречу. Готова принять его любым. Сильные пальцы ещё до боли сжимают мои бёдра. У Артура шикарное натренированное тело. На груди и животе шрамы. Под чёрным чубом на лбу выступает пот.

– Мы-ша! – рычит Артур, снова кончая в меня.

Обнимаю его за шею и шепчу в ухо:

– Ты откуда такой голодный?

– Оттуда! – уклончиво отвечает Артур. – Придётся потерпеть, мышань. Честно, пока не до ласк.

Мы замираем в объятиях друг друга. Ощущаю грудью, как колотится сердце Артура. Он вернулся, вместе мы справимся со всеми бедами.

– Прости... Я эти годы вообще мало говорил, – широкая ладонь Артура гладит мою спину.

«С кем он был все эти годы?» – вопрос так и вертится на языке. Но умом я понимаю, что мне лучше этого не знать. Скорее всего, Артур так же на автомате удовлетворял свои

потребности и с другими. Слабое утешение.

– Я тебя люблю, – шепчу ему на ухо и вжимаюсь сильнее в его грудь. – Люблю, люблю, люблю.

– Надо детей забрать, – Артур подхватывает меня на руки и ставит в ванну. Забирается следом и включает воду. Настроив нужный режим, переставляет меня под лейку. – Они на Алекса записаны?

– У них стоит прочерк в графе «Отец», – смущаюсь я, балдея от прикосновений Артура. – Когда Алекс отпустил меня, я сразу решила, что уеду из страны. Отчество бы всё осложнило. На вывоз за границу ребёнка требуется согласие отца. Тем более я всегда считала их отцом тебя.

– Это я уже понял, – взгляд Алекса сейчас медовый. Его пальцы скользят по моей груди, заново изучая её.

– Но Алекс не сдастся. Он считает их своими.

Артур улыбается и спускается пальцами к моему животу.

– И это для меня не секрет... Поставь ногу на бортик.

– Зачем?

– Мышь!

Выполняю его просьбу. В груди печёт, невозможно дышать. Артур опускается на колени и раскрывает пальцами моё лоно.

Артур

Я благодарен Геле за понимание. У меня было мало женщин за эти годы, и брал я их быстро, словно справлял нужду.

Не хотел ни к кому привязываться. Да и не мог. Командование постоянно перебрасывало меня с места на место.

Моя мышка такая худенькая, что боюсь что-нибудь сломать. Но как почуял её дрожащее тело под собой, так и слетел с катушек. Какие тут ласки! Бедняжка даже в ванной от меня спряталась. А у меня снова стояк – хоть на стену лезь. Прибежал не сдержался. После второго раза отпустило немного. Теперь надо воздать моей мышке по заслугам. Разминаю под тёплыми струями её плечи, спину. Ласкаю грудки. Мне нравится скользить руками по её разогретой коже. Хочу услышать, как моя малышка стонет от наслаждения. Решаюсь на откровенную ласку. Я дарил её только Геле. Она ещё напряжена. Моя недоверчивая девочка. Опускаюсь перед ней на колени и раскрываю её лоно. Хочется потрогать его, но боюсь, что Геля зажмётся от смущения смутится окончательно. Провожу по нежной розовой коже языком, из душа хлещет вода, заливая мне лицо, но я всё равно ощущаю вкус соков моей любимой. Слизываю их и дрожу от удовольствия. Нахожу бугорок и щекочу его кончиком языка, втягиваю губами, ритмично посасываю. Учусь заново любить своего мышонка. Геля вцепляется в мои волосы и нетерпеливо подаётся лонем вперёд. Первый её крик сегодня – орден мне на грудь.

Встаю с колен и поднимаю Гелю себе на бёдра. Она, упираясь ногами в бортик, садится на мой член.

– Да! – рычу я, прижимая Гелю к стене. Она стонет и пы-

тается ослабить мой напор. – Терпи, мыша!

Почему она такая узкая? Хорошо, что она такая узкая. Грёбанный ад. Я убью за неё. В этот раз мне уже проще сдерживаться. Спускаю Гелю с рук и поворачиваю лицом к спине. Небеса! Какая у неё задница! Надавливаю рукой между лопаток, заставляя Гелю прогнуться и вхожу в разгорячённую плоть. Наношу удар за ударом, выбивая хриплые стоны из моей любимой. Бедняжка, она устала. Догоняюсь резкими толчками и вздрагиваю от выбивающей искры из глаз оргазма. Двигаюсь по инерции и падаю на Гелю, распластав её по стене.

– Ты в порядке? – сиплю я.

– Так точно! – Геля толкает меня спиной.

Снова ставлю её под душ и целую взахлёб. Теперь всё у нас будет хорошо. Выключаю воду и, завернув мышонка в полотенце, несу в комнату.

– Надо ехать домой, – шепчет Геля. – Как мы будем жить дальше?

– Долго и счастливо, – кладу её на постель. – Отдохни немного. Я совсем тебя замучил.

Геля, скинув полотенце забирается под одеяло.

– Алекс... Он не отступится так просто, – Геля испуганно смотрит на меня. – Только, прошу, не убивай его.

– Да я и не собирался, – забираюсь голышом под одеяло и прижимаюсь к Геле. Она закидывает на меня ногу, и мы замолкаем. Смотрим друг на друга, словно собираемся писать

портрет по памяти. Въедаясь взглядом в каждую чёточку. –
Ты любишь его? Только честно. Я всё пойму.
– Дурной! Я тебя люблю.

Глава 12

Алекс

Предположение, что Геля уехала сама, я отмёл сразу. Спонтанное похищение тоже. Никто не стал бы на ровном месте приходить её об капот головой, чтобы банально потрахаться в ближайшей бане. Лихие девяностые давно прошли. Да и в ресторане в основном народ сидел со своими тёлками. За мной или Гелей наблюдали, скорее всего, ещё днём. Сигнализация заорала неспроста.

Вылетел пулей из ресторана и бросился к избитому мужику. Он едва поднялся на четвереньки. И рядом, в луже, серьга с изумрудом. Мой подарок. Тряхнул мужика, но он успел сказать только, что кто-то напал на них с подельником и вырубился. Второй мужик лежал неподалёку в отключке. Тут на парковку влетел уазик с мигалками, и меня повязали. Пришлось доказывать в милиции, что не с моей подачи товарищи из серой «десятки» укатили в отделение челюстно-лицевой хирургии. По документам они числились детективами в частном сыском агентстве. Мне повезло, что добросовестный лепила⁸ из больницы позвонил следователю и сказал, что один из пострадавших пришёл в себя. Туда сразу выехал следователь. Со слов терпилы, нападавший был явно

⁸ Лепила – (тюремный жаргон) врач.

не похож на меня. Кожаная куртка и щетина против моего пальто и гладко выбритых перед свиданием щёк. Заявление о пропаже бывшей жены у меня естественно не приняли, но хотя бы извинились. Поменялся начальник в отделе. Раньше я тут многих знал.

Во мне тлела слабая надежда, что Геля дома. Вернулся к ресторану за машиной, кипя от гнева. Опросил ночную смену. Двухметровый охранник, мялся как девочка, но признался, что кипиш начался, когда из зала выскочил темноволосый мужчина лет сорока, небритый и с безумным взглядом. В ресторан в верхней одежде никого не пускают. А странный посетитель был в кожаной куртке. Непонятно, как вообще попал в зал? Управляющий, почуяв неладное, велел вызвать наряд. Типа, лучше перебдеть. Хорошая память на лица – особая гордость охранника. Он поклялся, что не впускал этого типа в ресторан. Чёрный чуб, карие глаза, щетина – под такое описание можно записать половину Питера. Но внутренний голос мне уже нашептал, откуда ноги растут. Слишком профессионально разложил нападавший горе-детективов.

Поехал к дому Гели. Очень не хотелось пугать детей, но других вариантов я не видел. Оказаться второй раз за ночь в милиции мне совсем не грело. К счастью, хватило всего один раз ткнуть звонок. На втором этаже допотопной избушки, загорелся свет, и спустя пару минут внизу открылась дверь.

– Кто там? – раздаётся из темноты испуганный голос Фа-

тимы.

– Это Алексей! Открой.

Окна веранды вспыхнули мягким светом. Быстрые шаги гулко отдавались в предрассветной тиши. Вечером меня порадовало, что Фатима на моей стороне. Сейчас это просто как нельзя кстати. Лязгает щеколда в калитке:

– Что случилось? – Фатима в длинном тёплом халате, пряча за пазуху болонку, смотрит на меня как на вестника Апокалипсиса.

– Некто увёз Гелю из ресторана. Не знаешь, кто бы это мог быть? Она встречалась с кем-нибудь здесь? – Устал, как шахтёр после забоя. Мечты, что теперь-то уж всё у нас с женой будет путём, рассыпались в прах.

Фатима кусает губы и отводит взгляд.

– Про Виктора я в курсе, – облегчаю ей путь к покаянию, – но вряд ли он сам отдубасил двух здоровых мужиков.

– Я не сказала Геле... У Глеба новый тренер. Артур Викторович зовут, – Фатима поднимает на меня глаза полные слёз. – Что же теперь будет, Алексей?

Прижимаю к груди свою бывшую домработницу. Между нами недовольно сопит собака.

– Успокойся, Фатима. Я Гелю ни с кем делить не собираюсь. Хотя сам дьявол явись за ней из преисподней.

– Весь вечер проплакала, – всхлипывает Фатима. – Я столько раз жалела, что влезла тогда в вашу ссору. Всё Юля эта! Вас с пути сбила, ко мне ключики нашла... А, главное,

Гелю взбаламутила почём зря.

– Я всё равно присел бы, – хлопаю Фатиму по спине. – Правдин – гондон редкостный. После знакомства с ним у меня вообще дела по бороде пошли. Жаль, отец его не кончил, когда мать от нас свалила.

– Что вы такое говорите, Алексей? – Фатима легонько бьёт меня кулаком в грудь. – И сами не вздумайте убивать. Тем более Артур брат ваш.

– Куда уж нам с двумя детьми... – задумчиво гляжу на часы. Шесть утра. Сколько времени потеряно. – Дай мне адрес Правдиных.

– Да вы хоть во двор зайдите. Объясню, как дойти, – Фатима бубнит не переставая. Крепко накипело у бабы. – Всё время Геле твержу, мол, хватит жить прошлым! Ещё неизвестно, что с этим Артуром стало за десять лет. Сколько Геля его знала? Три дня! Да и на что она жить с ним будет? На зарплату хореографа и тренера...

– Не будет она с ним жить!

– Алексей Дмитриевич, найдите её! – снова заливается слезами Фатима. – Артур же Гелю наверняка того...

– Да не каркай ты! Говори, где живёт этот олень.

Выслушиваю, как пройти к дому Правдиных и достаю мобильник.

– Номер Гели дай мне. И свой тоже.

Фатима достаёт из кармана телефон и диктует.

– Записал. А теперь иди к детям и держи ухо востро.

Набираю с трубки номер Фатимы.

– Кто это может быть так рано? – она удивлённо смотрит на незнакомый номер на экране.

– Включай соображалку! Номер мой сохрани. Если Геля нарисуется – звони. Всё, я ушёл.

Сажусь в машину и завожу мотор. Минуты хватает, чтобы долететь до Правдиных. Заглядываю в небольшую щель у ворот. Не хреново живут у нас врачи. Двухэтажный дом со вкусом отделан искусственным серым камнем. Не иначе как докторишка в Чухляшке⁹ стройматериалами разжился. Машин во дворе не видно, но это ничего не значит. Гараж у Правдина прямо в доме. В одной из комнат первого этажа горит свет. На металлической двери звонок и переговорное устройство. Отхожу назад и примечаю камеру над входом. Упираюсь пальцем в кнопку звонка и изображаю на лице улыбку. За дверью шорох. Слышится вкрадчивый голос:

– Сколько лет, сколько зим! С чем пожаловал?

– Потолковать надо. У нас с тобой уговор был. А твой сын, походу, его нарушил. Нехорошо.

– Ещё скажи, не по понятиям.

– Сомневаюсь, что ты по ним живёшь.

– Подожди, сейчас выйду.

Забираюсь в джип, раздумывая, где теперь искать этого ублюдка. Дома его явно нет. Из калитки, зевая, выходит Виктор. За десять лет он не сильно изменился, но слегка подсох,

⁹ Чухляшка (разг.) – Финляндия.

да и морщин прибавилось.

– Как отец? – он садится в машину и закуривает, не глядя на меня.

– Ещё не видел.

– Привет передавай.

– Я не за твоими приветами приехал, – поворачиваю ключ в замке зажигания и открываю окна. – Твой сынок, походу, рамсы попутал и жену чужую к рукам прибрал. Нехорошо. Придётся с ним побазарить.

– Жена твоя сама хороша, – Виктор лениво пускает колечками дым. – Как только сумела найти нас? Шлындает который день возле дома с глазами больной собаки. Поговорить с ней по-хорошему хотел. Да не успел.

– Твои люди, что ли, под замес у ресторана попали?

– Понятия не имею, о чём ты.

– Про понятия мы с тобой уже потолковали. Ладно. Телефон Артура дай мне.

– Нет, – Виктор выкидывает сигарету за окно. – Сами разбирайтесь. Буду рад, если ты заберёшь обратно своё счастье.

Глава 13

Геля

Обнимаю Артура. До сих пор не могу прийти в себя. То плачу, то смеюсь, говорю невпопад. Он, наоборот, немногословен. Судьба нам подарила второй шанс.

– Поедем за детьми, мыша, – Артур целует меня в губы и прижимается ко мне низом живота, – иначе затрахую тебя до смерти, и всё ещё будет мало.

– Тебе придётся познакомиться с братом, – отстраняюсь я от Артура.

– Когда-то это должно случиться. – Он встаёт с постели и натягивает штаны. – Не хочу, чтобы ты присутствовала при встрече.

– Как ты себе это представляешь? Уверена, что Алекс у меня дома. В худшем случае увёз детей к себе.

Артур приносит из ванной мои вещи и протягивает мне украшение, подаренное Алексом.

– Забыл совсем, твоя серёжка. Второй не было. В машине может слетела.

Хватаюсь за уши. Даже не вспомнила о них. С возвращением Артура всё остальное стало неважным. Но эти серёжки я любила. Видно, отчаяние написано на моём лице.

– Другие купим, не переживай, – Артур надевает футболку. – К себе детей увёз, говоришь? Печалька.

– Печалька? Это все, что ты можешь сказать?

– А ты по-прежнему веришь словам? Мыша, я забрал тебя, заберу и детей.

– Не хочу, чтобы пролилась кровь, – с трудом попадаю ногой в штанину.

– Геля, не мороси! Хочешь, я вынесу пацанов из дома потихому? Но ведь это не решит проблемы. Высоким сторонам придётся договариваться. Кстати, та клизма, что с тобой живёт, явно ратует за моего братца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.